

ТАШ
ОУ

К
Карта
НЕВИДИМОГО
мира

18+

РОМАН

ph

Таш Оу

Карта невидимого мира

«Фантом Пресс»

2009

УДК 821.111
ББК 84(5Маз)

Оу Т.

Карта невидимого мира / Т. Оу — «Фантом Пресс», 2009

ISBN 978-5-907943-09-4

16-летний Адам – трижды сирота. Он и его старший брат Джохан были оставлены матерью в детстве; позже Джохана усыновила богатая пара, Адама же воспитывал голландец Карл, и мальчик стал свидетелем, как его приемного отца увозят солдаты. Адам отправляется на поиски отца, но все, что у него есть, – старые фотографии и письма, которые приводят его в красочную и опасную столицу Джакарту. Тем временем Джохан живет, казалось бы, беззаботной, привилегированной жизнью в Малайзии, но он не может забыть свое детское предательство, когда он оставил младшего брата, беспомощного и доверчивого. История Адама и его поисков-скитаний происходит на фоне необратимых перемен в Индонезии, которая переходит от колониального прошлого к независимости. «Карта невидимого мира» – мастерский роман, подтверждающий статус Таша Оу как одного из самых интересных молодых писателей современности.

УДК 821.111
ББК 84(5Маз)

ISBN 978-5-907943-09-4

© Оу Т., 2009
© Фантом Пресс, 2009

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	25
5	38
6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Таш Оу

Карта невидимого мира

Map of the Invisible World by Tash Aw

Copyright © 2009 by Tash Aw

© Анна Гайденко, перевод, 2025

© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2026

© «Фантом Пресс», издание, 2026

Моим сестрам Л. Л. и С. Л.

Юность моя не была ли однажды ласковой, героической, сказочной, – на золотых страницах о ней бы писать, – о избыток удачи!¹
Рембо, Утро

Звук его голоса длился лишь несколько секунд. Мимолетное трепетание воздуха, которое больше не повторится.
Прамудья Ананта Тур, То, чего больше нет

«Мои сны – все равно что ваше бодрствование».
«Моя память, приятель, – все равно что сточная канава»².
Борхес, Фунес, чудо памяти

¹ Перевод М. П. Кудинова.

² Перевод Е. Лысенко.

1

Когда это наконец случилось, обошлось без применения грубой силы и без драматических сцен. Все кончилось очень быстро, и Адам снова остался один. Вот что он видел, спрятавшись в густом кустарнике.

Солдаты спрыгнули с грузовика на песчаную землю. Отряхнулись, опустили подвернутые штанины и заправили в брюки рубашки. Длинные рукава у них были закатаны плотными валиками выше локтей, отчего руки казались худыми и хрупкими, а пояса были такими широкими, что талии будто начинались от самой груди. Они смеялись, шутили и понарошку пинали друг друга. Ботинки у них были слишком большие, и во время бега солдаты напоминали клоунов. Они просто дети, подумал Адам, такие же, как я, только с винтовками.

Подойдя к ступенькам веранды, парни замешкались, переговариваясь. Они находились слишком далеко, и Адам не мог ничего разобрать. Потом двое скрылись в доме, а когда снова появились в дверях, с ними вышел Карл. Наручников на нем не было, он медленно последовал за ними к грузовику своей прихрамывающей походкой, взобрался в кузов и исчез под брезентом. Издалека он выглядел таким же маленьким, как солдаты, – совсем ребенок, только со светлыми волосами и розовой кожей.

Стойте. Адам хотел заорать им вслед, чтобы они оставили Карла. Не уезжайте, хотелось крикнуть ему. Но он промолчал и не двинулся с места, укрытый густой листвой и колючими ветками. Он умел задерживать дыхание и медленно считать от одного до десяти. Он давным-давно научился этому способу держать страх в узде.

Грузовик сдал назад и резко стартовал, взметнув облако песка и пыли; на его борту мелом был грубо намалеван пенис и тут же надпись: «ТВОЯ МАТЬ...» Небо, плотное, низкое и черное, уже несколько дней набухало влагой. Засуха стояла много дней, и вот наконец-то приближалась гроза. Дождя все заждались.

По правде говоря, появление солдат Адама не удивило. Весь месяц надвигающаяся катастрофа давала о себе знать, но, казалось, замечал эти предзнаменования только он один. Море неделями было беспокойным, под ногами все дрожало отголосками землетрясения. Как-то ночью Адама разбудили сильные толчки, и когда он выглянул за дверь, кокосовые пальмы раскачивались, хотя ветра не было; земля ходила ходуном, так что поначалу он даже не понимал, сам он шатается или деревья. Рыже-белый кот, который раньше целыми днями носился по соломенной крыше, охотясь на мышей и ящериц, теперь передвигался еле-еле, словно внезапно одряхлел и потерял былую ловкость, пока однажды утром Адам не нашел его на песке мертвым: шея вывернута под неестественным углом, морда смотрит в небо.

А потом было это происшествие в городе. Один старик приехал на велосипеде из деревни в горах, чтобы купить риса у китайского торговца. Он сказал, что только что вернулся из хаджа и что совершить паломничество почетно, но обходится оно недешево. Весь год урожай был никудышным, засуха продлилась слишком долго, и теперь у него не осталось еды. Он попросил отпустить ему рис в долг, но торговец наотрез отказался. В прошлом году, сказал торговец,

было нашествие крыс, в этом – засуха. В следующем будет землетрясение, а еще через год – наводнение. На этом поганом острове всегда что-нибудь да происходит. Денег нет ни у кого, это все в городе подтвердят. Цены высокие, но винить в этом некого, и если тебе нечем заплатить, тут уж ничего не поделаешь. Поэтому старик отнес в ломбард кольцо своей жены, маленький камень в тонкой серебряной оправе – возможно, янтарь. Оценщик-китаец пару секунд рассматривал его через пенсне, а потом вернул. Подделка, сказал он, пожимая плечами, дешевая подделка. Завязалась ссора, переросшая в рукоприкладство; посыпались оскорбления – как личные, так и расовые. А позже, когда наступила душная, густая ночь, кто-то – неизвестно кто – плеснул на дверь ломбарда керосином и поджег ее. Старые деревянные дома на этом острове (которых сохранилось не так много) вспыхивают мгновенно, и через полчаса ломбард уже полыхал. Никто не выжил. Китайские лавки оставались закрытыми три дня, никто ничего не мог купить. Внезапно по всему городу начались драки. Говорили, будто с материка приехали коммунисты, чтобы нажиться на беспорядках. Банды молодежи, вооруженные мачете, бродили и размалевывали стены надписями. *Коммуняки СДОХНИТЕ. Китаезы катитесь в ад.*

Как будто газетная статья воплотилась в реальность: прямо на глазах у Адама фотографии сходили со страниц и оживали. Обугленные деревянные остовы сгоревших зданий, кроваво-красные надписи на стенах. Пустые улицы. Адам знал, что и в других частях Индонезии неспокойно. Он слышал, что творится какая-то революция, – но не как те революции во Франции, России или Китае, про которые он читал, а нечто неясное, расплывчатое, когда никто до конца не знает, что свергнуть, а что оставить. Впрочем, это были проблемы Явы и Суматры – дальнего края страны островов, разбросанных по морю, как водоросли по берегу. Так считали все вокруг. Только Адам знал, что и тут небезопасно.

Карл отказывался что-либо предпринимать. О том, чтобы уехать, он даже не помышлял.

– Но как же... – пытался возразить Адам. Он читал газеты, слушал радио и знал, что по всему архипелагу творится что-то неладное.

– А зачем?

– Из-за твоего... из-за того, что мы, то есть нет, ты *другой*.

Еще не закончив фразу, он догадывался, каким будет ответ.

– Я такой же индонезиец, как и все жители этого острова. Так написано в моем паспорте. Цвет кожи неважен, я всегда тебе это говорил. И если за мной придет полиция, я скажу им то же самое. Я не совершал преступлений, я такой же, как все.

И они остались. Они остались, и пришли солдаты. Адам был прав с самого начала – он знал, что за ними придут. Раньше он представлял, как они с Карлом окажутся в тюрьме в Сурабае или где-нибудь еще на материке, может быть, даже в Джакарте, но теперь он был один. Впервые в жизни он был один – по крайней мере, впервые в *этой* жизни.

Он долго ждал в кустах после того, как грузовик уехал. Сам не знал зачем, но все равно сидел на корточках и ждал, едва не касаясь задом земли и подтянув колени к подбородку. Когда почти стемнело и с моря снова подул ветер, он вернулся домой и устроился на веранде. Он ждал, пока не наступила глубокая ночь, пока он не перестал различать ничего, кроме силуэтов деревьев на фоне бесконечной пустоты моря, и тогда ему стало спокойнее.

Ночь на островах сгущается быстро, и как только это произошло, вокруг уже ничего не увидеть. Если зажечь лампу, она осветит небольшое пространство, но за пределами кружка бледного сияния как будто нет ничего. Холмы, низкорослые леса, скалистый берег, пляжи с черным песком сливаются воедино, перестают существовать как отдельные формы. И когда Адам неподвижно сидит в темноте, только его неглубокое дыхание выдает, что он все еще здесь, все еще ждет.

2

Это Адам. Он попал в этот дом, когда ему было пять. Сейчас ему шестнадцать, и он ничего не помнит о своей жизни до приезда сюда.

Иногда он просыпается, содрогаясь – не от кошмара, а от неприятного ощущения, будто он смотрит в огромную пропасть, нечто вроде зияющего бездонного колодца, и эта необъятность поглощает его. Тут-то он и просыпается, потому что не в силах вынести гнетущей пустоты. Сцены из детства не желают вспоминаться, даже когда он закрывает глаза и пытается воссоздать их в воображении. В такие мгновения между сном и бодрствованием, положив голову на подушку, он пытается отпустить мысли на свободу, надеясь, что на сей раз прошлая жизнь наконец прорвется сквозь трещины и воспоминания затопят его сон, как теплая бурлящая вода по весне. Однако этого никогда не происходит – его ночи пусты, и ему совсем ничего не снится.

Редко – очень редко – перед глазами возникнет какой-нибудь образ и, тускло померцав несколько секунд, опять исчезнет: черный мох на голой бетонной стене, расщепившиеся ножки письменного стола, потолок длинной темной комнаты, кусок холста, столешница, настолько густо испещренная червоточинами, словно только из них и состоит, так что пальцы Адама нащупывают сплошные дырочки, а не твердую древесину. Еще, бывает, к нему приходят звуки. По цинковой крыше, как гвозди по стенкам гигантской консервной банки, стучит дождь. Слышно странное бормотание, монотонный тихий гул – и не шепот, и не разговор в полный голос. Все, что получается различить, – шипящие «с» и иногда «ш», будто целый хор взывает к молчанию. Эти звуки раздаются в какой-то большой комнате наподобие общей спальни, и, разумеется, Адам не может себе ее представить. А порой, когда он занят совершенно обычным делом – едет на велосипеде в город, кормит кур или плавает над рифами, разглядывая останки затонувших кораблей, – в голове у него на мгновение, как вспышка, зажигается единственное слово. *Ракушка. Пасха. Снег.* Он сразу понимает, что это слово из его прошлой жизни в приюте.

Но эти фрагменты слов и образов никогда не сливаются воедино в нечто осмысленное, нечто более сложное, они остаются кусочками разбитой мозаики, которые очень мало что значат. В воспоминаниях Адама, если это можно назвать воспоминаниями, нет ни людей, ни лиц, ни тел, ни даже животных.

Раньше невозможность вспомнить хоть что-нибудь очень мучила Адама. Несколько лет назад, во время подросткового гормонального буйства, когда он был одновременно зол, растерян и немного не в себе, ему захотелось узнать о своей родной семье. Он обвинял Карла в том, что тот лишил его прежней жизни и нарочно скрывает правду. Если приходившие к ним в гости люди спрашивали, как его зовут, он отвечал: «По имени – Адам, а фамилии у меня нет». Тогда он наслаждался молчанием Карла и его неспособностью хоть что-то ответить; Карл не произносил ни слова, улыбка застыла на его лице, а гости притворно смеялись, делая вид, что это забавно. Но сейчас Адам понимает, что поступал некрасиво, и уже ему становится

стыдно всякий раз, как он вспоминает этот неловкий период своей жизни. Никаких секретов и не было, теперь он это знает. Он понял, что жить надо настоящим.

Именно это он твердит себе, сидя на ступеньках темного, опустевшего дома. Когда он впервые сюда попал, ему пришлось учиться жить в чужой обстановке. Теперь надо научиться этому заново. Заглядывая в дом, нутро которого снова кажется чужим и далеким, Адам пытается вызвать в памяти свои первые дни здесь, когда Прошлое отделилось от Настоящего и очень быстро потеряло всякое значение. Десять, одиннадцать лет назад – не так уж и много времени прошло. Если припомнить, как он справился тогда, возможно, ему удастся это повторить.

В тот день, когда Карл привез Адама из приюта, его жизнь начала обретать ясные очертания. Образы стали четче, запахи – острее, эмоции – отчетливее, и мутная тьма прошлого медленно отступила.

Первые несколько дней Адам не отваживался выходить из своей комнаты, словно робкий зверек, попавший к новому хозяину (много позже Карл и вправду сравнил появление в своем доме Адама с появлением новорожденного птенца или котенка, и Адаму его слова не понравились именно потому, что были правдой). Слишком многое нужно было осознать, слишком многое было чуждым и непохожим на то, что он видел раньше. Непрерывное потрескивание радио и далекие голоса, говорящие на непонятных языках. Разноцветные корешки огромных книг. Загадочные приспособления, разбросанные по всему дому (вскоре он узнал, что это совершенно прозаические вещи – пишущая машинка или бинокль, – но в то время они представлялись фантастическими, даже пугающими). А главное – этот иностранец, который слегка прихрамывал и, казалось, относился к Адаму так же настороженно, как и Адам к нему. Он не осмеливался подойти слишком близко, хотя улыбался ласково, и в его манере держаться ощущалась неловкость, как будто он боялся Адама. Три раза в день он оставлял еду на столике рядом с кроватью. «Спасибо, сэр», – говорил Адам, и тот уходил, позволяя ему привыкать к новой обстановке в одиночестве.

Но однажды этот человек (как успел выяснить Адам, его звали Карл) опустил тарелку на маленький квадратный столик и помедлил. По комнате распространился запах пряного овощного супа, пробудивший в Адаме аппетит. «Пожалуйста, не называй меня сэр, – сказал Карл. – Зови меня *отец*». И вышел еще быстрее обычного, словно сам испугался своих слов.

Какая глупость, подумал Адам. Он не может относиться к этому человеку как к отцу, он *не будет* этого делать. Карл выглядел очень необычно и ничем не напоминал тех людей, которых Адам видел раньше, скорее героя какого-то причудливого мифа – светлая кожа и почти такие же светлые волосы, глаза неопределенного оттенка (иногда зеленые, иногда серые, но всегда какие-то слоистые, будто минерал), до странности резко выраженный нос, розовый румянец на щеках. Адам уже тогда понимал, что эти черты лица характерны для холодного климата. Он отбросил эту мысль и принялся за еду. Нет, Карл ему *не отец*.

В те первые дни Адам подолгу сидел на кровати, скрестив ноги и прислонившись спиной к стене, и прислушивался к незнакомым звукам нового дома: к шагам Карла, мягко ступающего по половицам, к музыке, доносившейся из гостиной (он не мог припомнить, слушал ли раньше музыку, но даже если и да, то явно не настолько сложную и чуждую для его ушей). Лежа в постели, он прислушивался к настойчивому мяуканью кошки, наблюдавшей за ним со шкафа, но главным образом он прислушивался к далекому, гипнотическому плеску волн о скалы, который его убаюкивал.

Адам понимал, почему оказался здесь. И понимал, что ему повезло. Его забрали, чтобы он мог начать лучшую жизнь. Но в тот момент он не чувствовал себя везучим и не знал, что представляет собой *лучшая жизнь*.

Перед сном он задумывался, не скучает ли по приюту, не из-за этого ли ему грустно. Но нет, он не испытывал ни ностальгии, ни горечи, его воспоминания о приюте уже стали туманными, подернулись пеленой. Лежа в постели и слушая бесконечный шум волн, он начал

понимать, что грусть не будет длиться вечно, это была другая грусть, не похожая на ту, какую он испытывал раньше. Откуда-то Адам знал, что в этом новом доме, с этим человеком, робким и в то же время внушающим робость, он сумеет забыть свою тоску. В его новой жизни было много страхов, но страх больше не казался чем-то огромным, неопределенным и жутким. Его можно было преодолеть. Теперь Адам это осознавал. И с этими мыслями он засыпал. В первые дни он спал очень много.

Мало-помалу он стал исследовать дом, сперва боязливо, выбираясь из своей комнаты только после того, как Карл уйдет. Когда его страх перед незнакомой обстановкой отступил, он начал брать с полок книги и рассматривать картинки. Он не умел читать (пока что), но подолгу рассматривал озера и леса на иллюстрациях, догадываясь, что они находятся где-то в холодных странах, потому что они были совсем не похожи на те, что он видел вокруг. Светловолосые дети на этих картинках – крепкие, тепло и красиво одетые – выглядели счастливыми, в отличие от приютских, которые были не очень-то счастливы. Они были тощими, как и сам Адам, и постоянно уставали, а у тех, что помладше, иногда раздувались животы, хотя они голодали. Наверное, легко быть счастливым, если у тебя есть хорошая одежда, еда и родители, думал Адам, наверное, теперь ему тоже станет легко быть счастливым. Ему нравились эти картинки, потому что он воображал себя таким же, как изображенные на них дети, а не как те, кто жил с ним в приюте. Эти здоровые европейские мальчики казались маленькими копиями Карла, и, наблюдая за тем, как Карл работает во дворе, Адам представлял его катающимся на коньках по замерзшим прудам или гуляющим в сосновых лесах и понимал, что дом Карла тоже остался очень далеко.

Адам нашел и книги с репродукциями картин – портретами женщин, вроде и похожих на индонезиек, но не совсем: фигуры у них были пышные, а глаза яркие, не обезображенные желтухой или катарактой. Они носили за ушами цветы и смотрели прямо на Адама, как бы вопрошая: откуда ты? Ты один из нас или чужой? Эти картины ему не очень нравились.

Постепенно он начал позволять Карлу читать ему вслух. Они усаживались на узкий плетёный диван в последний предвечерний час, незадолго до того, как сгустятся сумерки, и Карл читал волшебные легенды разных островов Индонезии. Адам узнал о храбром маленьком Биваре, который сразил страшного дракона; о неблагодарном Си Танганге, выходеце из простой семьи (такой, как наша, пояснил Карл), который покинул родную рыбацкую деревушку, обрел богатство и известность, а потом отрекся от своей бедной матери; о прекрасной Ларе Джонгранг, которую алчный Бандунг превратил в камень за то, что она хитростью избежала брака с ним. Пока Карл читал, Адам смотрел на отлив; в этот час море всегда было ровным, разве что подернутым едва заметной рябью, и во впадинах рифа начинали образовываться гладкие лагуны. Адаму нравились эти легенды – он до сих пор помнит каждую из них, – но больше всего ему хотелось, чтобы Карл прочел что-нибудь про белокожих смешливых детей. В их мире людей не превращали в статуи или животных, а ночные демоны не вмешивались в вековые распри. Там спокойнее, думал он.

И тем не менее ему повезло оказаться там, где он был сейчас. Он знал, что не должен мечтать о большем.

Адам открыл для себя и музыку благодаря проигрывателю, с которым вскоре научился управляться. Маленькая коробочка была сделана из дерева шоколадного цвета снаружи и светлого дерева внутри, и Адам поднимал крышку, выбирал (чисто наугад) шесть пластинок и аккуратно укладывал на штырек, торчащий над диском. Каждая композиция заставляла его осознать, насколько его жизнь до попадания в этот дом была лишена музыки. Слушая переливчатый женский голос или веселую мелодию трубы, он пытался припомнить, звучали ли в приюте те народные песни, которые часто мурлыкал Карл, но тщетно: память заволакивало покровом тишины, и пейзаж его прошлого вдруг становился неподвижным и бесцветным, как

будто настал один из тех прохладных дней после дождя, когда в тумане не видно ничего, кроме неясных очертаний редких деревьев.

Иногда Карл приобнимал Адама за плечи, это было короткое, теплое объятие, означавшее благодарность за то, что Адам выбрал пластинки и включил проигрыватель; от улыбки в уголках глаз у него разбежались морщинки, и Адаму становилось приятно, будто он сделал что-то неожиданно хорошее. Раньше он и не подозревал, что способен кого-то радовать.

Адам не помнит, когда именно Карл стал для него отцом, а не инопланетным существом с кожей цвета сухого песка и веснушками на лице и руках. Но, кажется, ему потребовалось всего несколько недель, чтобы освоиться в новом мире, где этот белый человек был уже не чужаком, а тем, кто всегда рядом, кто дает Адаму понять, что его дом – надежное убежище, не связанное с прошлым.

«Меня зовут Адам де Виллиген», – говорил он себе в первые месяцы: это успокаивало. Он повторял эти слова вслух, потому что ему нравились их звучание и ритм, нравились непривычные движения губ. Находя утешение в звуке собственного голоса, он постепенно перестал задумываться о том, какой могла быть его прежняя фамилия. Теперь, когда он слышит свое имя, ему кажется, что Адам де Виллиген звучит как надо.

*Goede avond, mijn naam is Adam de Willigen*³. Видите? Он говорит и по-голландски тоже. Но знает только простейшие выражения, потому что Карл не хочет, чтобы в его доме говорили по-голландски. Он сказал, что это язык угнетателей и что Адам не должен впитывать культуру страны, которая колонизировала его родину. «Теперь мы обрели независимость, – объяснил он, – и нам нужна собственная культура». Компромиссом для них стал английский, Карл считал, что его «полезно знать», и ежедневно занимался с Адамом. В тех редких случаях, когда у них в гостях бывали европейцы, разговоры велись на английском, и Адам, к собственному удивлению, вполне свободно поддерживал беседу. Однако его интерес к голландскому не угасал еще очень долго, только усиливаясь из-за того, что Карл решительно отказывался говорить на этом языке. Однажды к ним неожиданно приехала голландская пара, которая бежала с Флореса и пыталась вернуться в Голландию. Им рассказывали о Карле, и они знали, что найдут в его доме пристанище на несколько ночей, пока планируют отъезд в Джакарту и дальше домой. Они приехали загорелые, запыленные с дороги, с одним-единственным чемоданом. Карл принял их вежливо и уступил им свою комнату, но целых два дня в доме царил напряженное молчание, потому что муж говорил по-индонезийски совсем чуть-чуть (он выучил только флоресский диалект нгада, толку от которого было мало), а жена не говорила вообще, разве что могла обменяться парой слов с кухаркой перед едой. Когда они говорили по-голландски, Адам с восторгом вслушивался в сочные, гортанные фразы, но Карл сухо отвечал по-английски или вообще игнорировал своих гостей. Так вот как это звучит, думал Адам, и вдруг отдельные слова и короткие предложения, которые он запомнил, рассматривая голландские книги на полках, начали обретать смысл. Адама возмущало нежелание Карла говорить по-голландски и вести себя более любезно. Для него оставалось загадкой, почему Карл не может проявить дружелюбие к этим людям, если сам такой же, как они. В те дни он еще не осознавал, что Дом – это не обязательно место, где ты родился или вырос, это нечто иное, эфемерное, что можно обрести на любом краю света. Тогда Адам просто злился на Карла, потому что не понимал ни этого, ни многого другого.

В ночь перед тем, как голландцы должны были уплыть на пароме, Адам увидел, что жена сидит одна на кровати и складывает одежду в открытый чемодан. Заметив Адама, она улыбнулась и сказала: «Заходи». Адам сел рядом и стал смотреть, как она берет из стопки одну тонкую хлопковую рубашку за другой и бережно сворачивает, прежде чем убрать в чемодан. Рубашки были крошечные, на совсем маленького ребенка, украшенные бледными розовыми и

³ Добрый вечер, меня зовут Адам де Виллиген (*нидерл.*).

красными цветами. Вдруг женщина очень тихо заговорила по-голландски, хотя Адам не мог ей ответить. Он вспомнил здоровых светловолосых мальчиков и девочек из тех книжек с картинками; каким-то образом он догадался, что женщина говорит о детях. Она умолкла, легонько коснулась его щеки и погладила по волосам. Потом прибавила еще что-то и покачала головой, слабо улыбаясь.

– Не понимать? – спросила она по-индонезийски.

И Адам действительно ее не понимал.

– *Onthaal aan mijn huis*⁴, – ответил он. Эти слова он как-то видел в книге и примерно представлял, что они означают.

Она рассмеялась глубоким, теплым смехом.

– Спасибо, Адам де Виллиген, – сказала она, вытирая глаза. – Спасибо.

Эти сцены из Нынешней жизни легко прокручиваются в голове Адама всякий раз, когда ему захочется. Все детали такие же четкие и яркие, как и в тот день, когда происходило то или иное событие; Адам наслаждается своей властью над воспоминаниями, способностью воскресить их в любой момент – хоть во время прогулки по рисовым полям, хоть во время купания в море. Даже сейчас, направляясь в темноте в спальню (ему не нужно включать свет, он прекрасно знает дорогу от веранды), он понимает, что может при желании вызвать в памяти каждый эпизод своей жизни в этом одноэтажном доме из бетона и дерева.

Иногда Адам по-прежнему пытается воспроизвести что-то из приятских времен, собрать воедино фрагменты, всплывающие в голове, но ничего не получается, и он тут же упрекает сам себя – нечего было заниматься ерундой. Он знает, что, как ни старайся, первые пять лет жизни так и будут от него ускользать, что пора прекратить эти попытки и отпустить прошлое. И все же не может устоять перед искушением. Прошлое остается с ним, как глубоко засевшая в коже заноза, которая чаще всего не ощущается совсем, но порой напоминает о себе. И когда начинается покаяние, Адаму хочется расчесывать зудящее место, даже если это не принесет облегчения. В такие тихие минуты, как сейчас, когда ему страшно и одиноко лежать в кровати, он иногда погружается в это вместилище пустоты.

Зачем?

Затем, что в застилающем его память тумане есть один-единственный несомненный факт, образ человека, который точно существовал, и именно это влечет обратно.

У Адама был брат. Его звали Джохан.

Только вот Адам не может вспомнить о нем ничего, даже его лица.

⁴ Добро пожаловать в мой дом (*нидерл.*).

3

– Как же это все невыносимо, – сказала Маргарет, бездумно листая дневной выпуск «Хариан ракьят», потом выпустила газету, и она вяло упала на стол.

Даже при открытых окнах-жалюзи в комнате было жарко и душно; потолочный вентилятор только легонько трепал газетные листы. Заголовок сообщал: «СТУДЕНТЫ БУНТУЮТ НА ЗАНЯТИЯХ».

– Они всегда бунтуют, – добавила она.

Читать особого смысла не было. Слишком жарко, и новости всегда одни и те же.

Дин поставил на ее стол банку кока-колы.

– Я и не знал, что занятия еще идут. – Он взял газету и сел на свое место. – Вы читали? В четверг в естественнонаучном корпусе был пожар. Подозревают поджог. Вы что-нибудь видели? Я – ничего, хотя и пробыл здесь весь день. Смотрите, они поймали преступника, похож на одного из ваших, хотя наверняка и не скажешь. По-моему, все эти фотографии выглядят одинаково. Чистенькие благообразные мальчики из провинции с блестящими волосами и в отглаженных рубашках.

– А еще может быть, что они лежат мертвые лицом вниз в луже собственной крови, а вокруг стоят полицейские, и тогда вообще никого опознать невозможно. Полиция может убить кого угодно, а мы просто скажем: «Ого, опять труп». Никому и дела нет. Мог и правда быть кто-то из моих. Удивительно, что пока обошлось. Один на днях рассказал, что они в лабораториях делают, на секундочку, коктейли Молотова. И знаешь, что меня больше всего поразило? Не то, что они изготавливают бомбы в университете, а то, что, по их мнению, я посмотрю на это сквозь пальцы, я же на их стороне. Какого черта мы вообще тут делаем, а? Просто слов нет. Я уже на грани депрессии.

Но на самом деле Маргарет не была на грани депрессии. Она никогда не страдала от депрессии и время от времени, когда жизнь казалась особенно невыносимой, утешала себя этим фактом. «У племен в Новой Гвинее нет депрессии, следовательно, и у меня ее нет» – вот что она повторяла себе всякий раз, когда чувствовала, что ее придавливает безысходностью. Правда, такое бывало нечасто, но просто иногда на нее наваливалась глубокая апатия, которая полностью лишала сил, надежд и желаний. Обычно это случалось в те пустые часы, которые Маргарет проводила дома после возвращения из университета, перед тем как вечером снова уйти; чувствуя приближение этого состояния, она думала: «Так, с этим надо что-то делать». В последнее время упадок духа сопровождался странным чувством тесноты в груди, из-за чего становилось трудно дышать – всего на несколько минут, но достаточно, чтобы ощутить потребность сесть и перевести дух. Может, всему виной влажность, может, Маргарет превращается в обрюзгшую белую старуху, которая не выносит жару; может, не дай бог, это возраст. Но в конце концов она заставляла себя принять душ и, когда становилось легче, выходила в еще теплый вечер. Нет, это была не депрессия, скорее что-то похожее на скуку, хотя и скучно ей тоже не было. Она и сама не вполне понимала, что чувствует.

– Вечно вы так говорите, – ответил Дин, не отрываясь от газеты. – Так почему бы не распрощаться с этим всем? У вас хотя бы есть выбор.

– То есть признать поражение? Я-то думала, ты меня хорошо знаешь.

– На самом деле не знаю. И я серьезно: почему бы вам не уехать?

Дин так и не поднимал головы, продолжая прятаться за газетой. На последней странице красовался знаменитый бадминтонист: густые черные волосы зачесаны назад, как у американских кинозвезд, улыбка отражается в блестящем кубке. Заголовок гласил: «СЛАВА БОГУ ЗА КУБОК ТОМАСА». По спокойному, монотонному голосу Дина невозможно было понять, что у него на уме. Только по мелким деталям вроде слегка прищуренных глаз (удовольствие) или едва обозначившихся ямочек на щеках (сарказм или презрение) Маргарет могла угадать его настоящие чувства.

– Потому же, почему не уезжаешь ты, – сказала она. – Моя работа здесь еще не закончена. Я не могу просто бросить этих детей.

– Значит, вы все-таки на их стороне.

– Если ты таким образом спрашиваешь, не коммунистка ли я, то мой ответ ты знаешь.

– Извините, я не хотел вас задеть, и вы знаете, что политика меня не интересует. Мне просто интересно, почему вы остаетесь здесь, а не возвращаетесь домой.

– В Штаты? Господи, вот умеешь же ты вывести из себя. Я была зачата на одном континенте, родилась на другом и росла на четырех, а то и пяти, если считать Австралию. В Америке я прожила меньше десяти лет, это даже не четверть моей жизни. Это, по-твоему, дом? Почему бы тебе самому не вернуться домой? Я слышала, в Медане не так уж плохо. Или опять поехать в Голландию. В конце концов, голландцы дали тебе образование.

Дин опустил газету, и Маргарет взглядела в его лицо в поисках подсказок. Какое-то время оно ничего не выражало, а потом на нем появилась совершенно пустая, нечитаемая улыбка. Маргарет начала замечать это в нем совсем недавно, и ей становилось не по себе. Она всегда гордилась тем, что может угадывать настроение других людей. Это она делала – и делала хорошо – с тех самых пор, как себя помнила, еще до того, как научилась говорить. Ее докторская диссертация (незаконченная) «Чамбули: родство и взаимопонимание в Северной Папуа – Новой Гвинее», которая лежала в запертом ящике стола чуть ниже ее левого колена, начиналась со слов: «Именно невербальное общение между людьми составляет основу всех общественных отношений». Маргарет всегда считала, что люди (ну то есть она) умеют читать между строк, как племена в джунглях, которым не нужен сложный язык. Но таких, как Дин, она раньше не встречала. Иногда она не сомневалась, что он человек западной культуры, в другой раз он казался истинным индонезийцем, в третий – просто дикарем. Маргарет снова подумала о своей диссертации, которая лежала вместе с паспортом под замком в нижней части стола. Она уже очень давно туда не заглядывала.

– У меня не осталось никого на Суматре, а в голландском я никогда не был силен, – сказал Дин наконец.

Маргарет встала и попыталась наскоро навести порядок на столе.

– Ладно, извини. Не надо было мне это говорить. Не знаю, что на меня нашло в последнее время. Просто это так нервирует.

– Что?

Маргарет взмахнула руками, словно хотела обвести все происходящее за окном, но в итоге просто пожала плечами и вздохнула:

– Все. Ты понимаешь, что я имею в виду.

Дин кивнул:

– Думаю, понимаю.

Маргарет отвернулась и посмотрела в окно на приземистые серые здания. Теперь все в Джакарте казалось ей серым. Новые бетонные магазины, хлипкие деревянные лачуги, шести-

полосные магистрали, стоячая вода в каналах, некогда белые транспаранты, развешанные по всему городу и быстро потускневшие от пыли, дыма и выхлопных газов. Она не помнила, когда перестала замечать цвета и детали, когда серость начала затуманивать зрение, как катаракта. На стене дома по ту сторону бетонной площади висели плакаты с цветными надписями: «ДОЛОЙ ИМПЕРИАЛИЗМ, СОКРУШИМ МАЛАЙЗИЮ», «АФРИКА – НАШ ДРУГ», «ТОЛЬКО ВПЕРЕД, НИ ШАГУ НАЗАД, ВО ИМЯ АЛЛАХА». Маргарет ощутила внезапный прилив раздражения. Почему в этом городе все пишут прописными буквами? Когда она ужинала в отеле «Ява», все позиции в меню были набраны заглавным жирным шрифтом, каждое название пыталось переорать соседнее, настаивая, чтобы Маргарет выбрала именно его, и все сливалось в сплошную рекламную какофонию. ХИТ СЕВЕРНОЙ СУМАТРЫ ИЗ БАНДУНГА ИЗЛЮБЛЕННОЕ БЛЮДО КОРОЛЕЙ ТОРАДЖЕЙ. Как будто словесной атаки было мало, цены тоже указывались в цифрах гигантского размера, хотя Маргарет так и не поняла – то ли это попытка подчеркнуть, что они очень низкие, то ли очередная форма вымогательства, с которым она сталкивалась каждый день. Может, она уже не в состоянии выносить шум, толчею, хамство и коррупцию и теперь больше не хочет видеть город в деталях, может, именно поэтому все окрасилось в серые тона. Иногда она размышляла об этом, когда без энтузиазма гоняла по тарелке ТРАДИЦИОННЫЕ ВОСТОЧНО-ЯВАНСКИЕ ДЕЛИКАТЕСЫ в роскошной обстановке зала «Явы», отделанного черным мрамором. Уж не размякла ли Маргарет Бейтс? В конце концов она решила, что изменился сам город. Нет, с возрастом Маргарет Бейтс не стала мягче. В этом-то и была вся загвоздка. Адаптация – ключ к существованию человека, говорила она своим студентам. Умение адаптироваться было еще одной ее сильной стороной, наряду с эмоциональной устойчивостью и умением читать чужое настроение. А теперь она словно застыла во времени, ожидая, что город снова станет таким, каким она его знала. Только этого не случится. Она помнила другую страну, более благодатную, как ей казалось. Какое отвратительное слово, «благодатный», слащавое и сентиментальное, оно ассоциировалось у нее с манерой речи старых белых дурней, которые рассказывают о своих плантациях и темнокожих слугах. Она вдруг ощутила отвращение к себе. «С этим надо что-то делать, – пробормотала она себе под нос, продолжая смотреть в окно на грязные серые транспаранты. – Так больше нельзя. Надо меняться, надо меняться».

– Что вы сказали? – спросил Дин и наконец-то сложил газету.

– Ничего, – ответила Маргарет. Она взглянула в ясные, слегка влажные глаза Дина и почувствовала себя виноватой за резкость. Пора бы научиться думать, прежде чем говорить. – Давай поужинаем пораньше. Потом можем пойти в «Яву» или еще куда, выпьем чего-нибудь крепкого и яркого, с маленьким зонтиком в бокале. И будем наблюдать за этими нелепыми богачами с их проститутками.

Дин придвинул стул поближе к столу и раскрыл блокнот.

– Еще слишком рано для ужина. – Он снял с ручки колпачок и занес ее над блокнотом, но писать ничего не стал. – Да и в «Яву» меня не пустят. Во всяком случае, не в таком виде. – Он ущипнул воротник своей рубашки большим и указательным пальцами.

– Возражения не принимаются, – сказала Маргарет. Взяла его за руку и потянула к двери. – Ты со мной, так что никто ничего не скажет. Одна из мерзких привилегий, доступных белым. На словах-то все ненавидят выходцев с Запада, но как только в комнату заходит *оранг пути*⁵, тут же кидаются выполнять любой его каприз. Каждый второй бланкито, которого я знаю, нарушает правила и ведет себя как ему вздумается, и сегодня вечером я намерена принять участие в этой тошнотворной оргии.

Они перешли шоссе по мосту. Под ними, как обычно, гудел и ревел нескончаемый поток машин – река помятого, ржавеющего металла, чьи воды текли куда угодно и никуда. Солнце

⁵ Белый человек (*индон.*).

начало понемногу сбавлять жар и помутнело за постоянным слоем облаков. Небо было грязного желтого цвета с серым налетом, после заката оно приобретет мышинный оттенок, а потом почти мгновенно почернеет. Голубым, чистым и ясным оно не бывало никогда.

Некоторое время они шли вдоль дороги, пытаясь поймать такси, но, судя по всему, в этот день такси не ходили, поэтому пришлось довольствоваться бечаком⁶, которым управлял древний яванец с лицом настолько бесплотным, что под пергаментной кожей выпирали очертания черепа. Он ехал с удивительной скоростью и проворством, обгоняя мужчин и женщин с тележками, нагруженными арахисом, фруктами и старыми газетами. Встречные торговцы окликали их и предлагали наручные часы, игрушки, журналы, бутылки с бензином. Маргарет то и дело казалось, что они вот-вот с чем-нибудь столкнутся – с повозкой, запряженной лошадьми, или с джипом, от которого остался только голый каркас, или с велосипедом, – но в последний момент водитель невозмутимо огибал препятствие. Каждые несколько минут они проезжали или место аварии, или какое-нибудь разбитое средство передвижения. Машин было немного – во всяком случае, узнаваемых. Все было распотрошено на запчасти, потом собрано заново и в итоге приобрело такой вид, что невозможно было определить, «датсун» это, «фиат» или «школа». Один автомобиль мог спереди напоминать «мерседес», к середине трансформироваться в «кадиллак», а сзади и вовсе превратиться в грузовик с открытым бортом.

Маргарет посмотрела на Дина, который был, как обычно, очень серьезен. Из-за того, что он постоянно хмурился, его близко посаженные миндалевидные глаза казались еще ближе, а в тонких чертах читалось легкое беспокойство. Он был симпатичен Маргарет и, безусловно, выгодно отличался от тех, кто работал с ней до него, – как правило, это были американские аспиранты, корпевшие над какими-нибудь скучными проектами по экономике нефти или оказанию международной помощи недавно получившей независимость Азии. Все они без исключения оказались феноменально не приспособлены к жизни в Индонезии. Самые стойкие продержались два года, самые слабые – всего три месяца. Ходили слухи, что никакие они не студенты и работают на правительство США, но никаких доказательств этому Маргарет не нашла. Ей действительно казалось странным, что в Джакарту то и дело едет американская молодежь, претендующая на должность ассистента преподавателя, но ничто не указывало на то, что они живут не на щедрые стипендии Лиги плюща, а на средства из более подозрительных источников. Пару раз она как бы невзначай упоминала в разговоре о присутствии в Индонезии ЦРУ, что совершенно не было тайной, но наталкивалась на непонимающий взгляд и меняла тему. В этом городе никогда нельзя было знать наверняка, правда ли человек тот, за кого себя выдает, да и, честно говоря, Маргарет это не волновало.

Дин, впрочем, как будто был очень далек от неприглядных деталей жизни в Джакарте. Надежной опоры в виде стипендии у него не было, и Маргарет чувствовала себя виноватой, потому что не имела возможности платить ему как следует. На самом деле они оба не получили зарплату за последний месяц, и хотя Дин никогда не жаловался, она знала, что даже съем маленькой комнаты скоро начнет ощутимо на нем сказываться. Он говорил, что живет в Кебайоране, но Маргарет не поверила: для него это было бы слишком дорого. Ясно было одно: он хотел, чтобы она считала его не нищим, живущим чуть ли не в трущобах, а обычным представителем среднего класса, и ей было нетрудно притворяться. Но она не знала, сколько он так протянет. Ей не хотелось, чтобы он уезжал.

– Ты не скучаешь по Лейдену? – спросила Маргарет. Они ехали вдоль канала со стоячей черной водой, подернутой жирной пленкой.

Он пожал плечами:

– Да как-то нет.

⁶ Трехколесный велосипед, очень распространенный в Индонезии вид общественного транспорта. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Но ты говорил, что тебе там нравилось. Ты хорошо себя проявил – я имею в виду, в учебе.

– Мне не нравился холод.

Иногда Дин бывал и таким – необщительным до угрюмости. Маргарет гадала, не связано ли это с глубоким почтением к субординации, присущим (как она заметила) всем азиатам, так что она, будучи старше его и выше по положению, никогда не сможет завести с ним непри-
нужденный разговор. Мысль, что в ней видят мудрую и суровую мать-настоятельница, слегка раздражала.

– Я понимаю, – сказала она, решив не настаивать.

Ей хотелось, чтобы Дин почувствовал себя раскованнее в ее обществе, и она начала представлять, как бы прошел этот вечер, будь ее воля. Купили бы какую-нибудь недорогую уличную еду, потом выпили бы, причем немало, и в какой-то момент он принялся бы откровенничать, рассказывать о своей деревенской подружке, о девушках, с которыми был в Голландии; он бы доверился ей, наконец увидел бы в ней равную, а на следующее утро на работе они стали бы друзьями и коллегами, и она больше не чувствовала бы неловкости в его компании.

Сексуального влечения к Дину она не испытывала и хотела четко дать ему это понять. По ее прикидкам, ему было двадцать четыре, может, двадцать пять, и пусть он не на двадцать лет моложе ее, но все равно годится ей в сыновья в этой стране, где у восемнадцатилетних девочек зачастую уже по трое детей. Кроме того, она давно отказалась от мысли о романтических отношениях. Когда-то, во времена безграничных возможностей, любовь маячила перед ней, и тогда все казалось таким простым, таким достижимым, что Маргарет оставалось только протянуть руку и взять ее. Влюбиться было так же легко, как поплавать в теплом соленом море: просто войти в воду, и волны подхватят тебя. Но Маргарет этого не сделала, и море отступило, оставив на берегу бутылочные осколки, коряги и спутанные сети. И она научилась жить в этом ландшафте.

На базаре Пасар-Бару только что зажглось освещение. Воздух наполнился ровным гудением портативных генераторов, и ряды голых лампочек вспыхнули, безжалостно высвечивая лица прохожих. Народу было пока немного, и Маргарет с Дином побродили по рядам несколько минут, прежде чем выбрать, где поужинать.

– Что ты будешь? – спросила Маргарет.

– Что угодно. На ваше усмотрение.

Она знала, что он это скажет, и поэтому уже приняла решение.

– Может, наси-паданг?⁷ Раз уж ты с Суматры. Напомнит тебе о доме.

Они выбрали первый попавшийся лоток и сели за раскладной столик, покачнувшийся, когда Маргарет оперлась о него локтями. Дин сел напротив, но смотрел не ей в лицо, а куда-то за ее левое плечо. Вид у него был чистый и опрятный, как и всегда, простая белая рубашка с короткими рукавами не помялась даже к концу дня. Казалось, он вообще не потеет. Очки в массивной черной оправе, которые носил на работе, он снял, и Маргарет порадовалась этому – так она могла лучше видеть его глаза.

– Хорошо, правда? – сказала она. – Первый раз выбрались куда-то вместе.

Еще не закончив фразу, она уже осознала неловкость ситуации: белая женщина и молодой яванец вдвоем на публике. Она знала, что индонезийцы такое поведение не любят. Возможно, именно поэтому Дин держался так скованно. Она быстро огляделась, но других иностранцев не увидела. Подошла молодая официантка; в мешковатой мужской одежде – застегнутая на все пуговицы просторная рубашка и грязноватые штаны с защипами – она выглядела бесполой, взгляд выражал неодобрение. Маргарет почувствовала, как ее декольте, даром что скромное, внезапно стало слишком откровенным.

⁷ Вареный рис, подающийся с разнообразными гарнирами.

– Расскажи, что за исследование ты начал в Голландии, – попросила Маргарет, когда они сделали заказ. Разговор пойдет легче, если обсуждать рабочие вопросы, Дину нравилось говорить о работе. – Доисламская религия, правильно?

– Примерно так, – ответил Дин, и направление его взгляда слегка изменилось, он встретился с Маргарет глазами и не отвел их.

Это неожиданное пересечение взглядов привело ее в замешательство, она моргнула и улыбнулась, чтобы скрыть это. Ей не нравилось, когда ее застигали врасплох.

– На самом деле моя тема была немного шире, – продолжал он. – Я собирался написать «Тайную историю юго-восточных индонезийских островов», всей территории от Бали и дальше на восток. Для меня эти острова были как затерянный рай, где все осталось первозданным, скрытым от взоров иностранцев, – в общем, почти невидимый мир. Такая вот дурацкая идея.

– Почему дурацкая?

Он улыбнулся, вдруг снова смутившись.

– Очень большая тема – слишком большая для такого маленького человека, как я.

– А по-моему, это замечательная идея. Не бросай ее.

– Нет, таким, как я, ничего не светит. Глупо было верить, что я смогу сделать нечто подобное. Я ведь не с Запада. – В его словах ощущалась не злость, а отчаяние, такое глубокое, что граничило со спокойствием.

Переубеждать бесполезно, подумала Маргарет, ощутив прилив раздражения.

– Какая ерунда, – сказала она, стараясь, чтобы ее тон не звучал назидательно. – Ты способен на все, если приложить усилия. Я не говорю, что будет легко, но раз уж ты чего-то хочешь, все получится. Не будь таким пораженцем.

Принесли еду – тарелки с водянистым карри из мяса и овощей. Маргарет взглядела в рис и заметила, что он смешан с маисом.

– Похоже, у нас тут добросовестный торговец, – сказала она. После прошлогодней засухи каждый заказ еды стал лотереей. Иногда рис оказывался рисом, а иногда – грубо смолотой мукой, в соответствии с рекомендациями правительства.

– Может быть, вы и правы, – пожал плечами Дин. Он словно пытался убедить в чем-то самого себя. – Моя идея заключалась в том, что нам нужна история нашей страны, написанная индонезийцем, которая опиралась бы на нестандартные источники, недоступные западным исследователям. Например, на фольклор, местную мифологию или древние рукописи на пальмовых листьях...

– То есть лонтары.

– Да. В случае стандартного подхода, то есть изучения исторических текстов, речь, по сути, идет о западных источниках. Получается, что история Юго-Восточной Азии началась с открытия морских путей из Европы в Азию. А на самом деле к этому моменту уже столько всего произошло. Возникли империи Маджапахит и Матарам, ислам, индуизм, буддизм... Я хотел рассказать про эти острова, потому что у меня есть теория, что их история лежит за пределами понимания иностранцев, – я знаю, вы простите меня за эти слова...

– Прощаю.

– ...и поэтому должна быть рассказана не уроженцем Запада...

Дин продолжал говорить, но Маргарет отвлек мальчик, который сел за три столика от них. Это был азиат неопределенного возраста – ему могло быть как четырнадцать, так и двадцать один, – не совсем тщедушный, как большинство из них, но все равно какой-то оборванец. На его грязной белой футболке был логотип с изображением животного (медведя?) под синезолотой надписью «БЕРКЛИ». Мальчик казался одновременно потерянным и очень сосредоточенным. Это на них он смотрит? Маргарет пару раз покосилась в его сторону, но он все время отводил глаза. Привычка непринужденно ловить чужой взгляд – ошибка многих иностранцев, неправильно истолковывающих поведение азиатов. То, что выражают их улыбающиеся лица,

не всегда соответствует действительности; то, что выражает ваше собственное улыбающееся лицо, тоже не всегда соответствует вашим намерениям. На столике перед мальчиком ничего не было, он не заказывал ни еду, ни напитки.

– ...И конечно, неизвестная история мореплавателей-мусульман.

– Так почему бы тебе не написать все это? – сказала Маргарет.

Дин мгновенно умолк и погрузился в задумчивость, помешивая лужицу карри, в которой утопил свой рис.

– Никто не согласится финансировать мою работу. Я спрашивал в Голландии, и все отказали. Они думают, что это связано с политикой. А здесь, хоть президент и говорит о крупных проектах, мы же понимаем, что денег никогда не будет. Не для таких, как я.

Маргарет не ответила. Она смотрела на его узкие покатые плечи, пока он бесцельно ковырял рис. Он как-то умудрялся делать так, что порция на его тарелке казалась скудной и почти несъедобной. Тут ничем не помочь, подумала Маргарет, – наверное, пора сдаваться. Наверное, давным-давно пора махнуть рукой на эту страну. Был еще ранний вечер, но она уже устала.

– Давай чего-нибудь выпьем, – предложила она. Надо стряхнуть с себя эту апатию.

Дин слегка нахмурился.

– Нет, спасибо. Я сегодня вымотался. Наверное, просто пойду домой.

Маргарет поставила пустые тарелки друг на друга в знак окончания ужина.

– Всего по бокалу. Получишь удовольствие хотя бы с антропологической точки зрения.

Давай. – Она помахала перед торговцем купюрами.

– Это очень любезно с вашей стороны, но в «Яве» я буду чувствовать себя неуместно.

– Чушь. Ты прекрасно проведешь время. Я же говорила, возражения не принимаются. –

Она мило улыбнулась, зная, что он согласится: уж если она вбила себе что-то в голову, ей никогда не отказывали.

Когда они собрались уходить, Маргарет обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на мальчика в футболке с логотипом Беркли, но его уже не было. Она оглядела ларьки, ожидая, что увидит его за колонной или в толпе, но тщетно. Полминуты назад он сидел за столом, а теперь исчез.

– Ну что ж, будет весело, – бодро сказала Маргарет.

Построенный в 1962 году в честь Азиатских игр, отель «Ява» стоял у широкого кругового перекрестка в том месте, который можно было бы назвать деловым центром, если бы в этом городе существовало деление на деловые и жилые районы. Как и в случае с многими бетонными зданиями в стиле брутализма, стремительно появляющимися по всей Джакарте, угловатые линии и слегка индустриальный облик отеля должны были намекать на эстетику Ле Корбюзье и баухауза, интернациональную и практичную. В центре кругового перекрестка располагался идеально круглый неглубокий фонтан, и высокие струи воды низвергались на пару деревенских детей, стоящих на высоком узком постаменте. Отель и фонтан были лишь двумя из многочисленных проектов, призванных поразить гостей уровнем развития Джакарты, и возводили их по заказу самого президента Сукарно (Маргарет называла их «монументами президентской озабоченности размерами»). Всего через два года туалеты в отеле уже пришли в плачевное состояние, несколько лампочек в большой люстре в вестибюле перегорели, и их так и не заменили, ковры были прожжены сигаретами, а скатерти покрыты застарелыми винными пятнами.

– Похоже, размер-то не главное, – сказала Маргарет, глядя на выщербленный край барной стойки.

Она уже выпила два мартини. Первый сразу ударил ей в голову, а второй пролился в желудок слишком легко. Она пыталась растянуть удовольствие с третьим бокалом, но это было трудно – щеки горели, и ей хотелось поскорее допить до конца. Она знала, что уже пьяна, зато снова чувствовала прилив сил.

Дин стоял спиной к залу, опершись локтями о стойку. Он разглядывал ряды бутылок, расставленных вдоль зеркальной стены напротив, словно изучал каждую этикетку. Он взял просто кока-колу, как Маргарет ни старалась его переубедить. Он даже «Бинтанг» не пил. Обычно ей хватало деликатности не нарушать культурные границы, но Дин – особый случай. Да, он мусульманин, но не простой индонезиец из маленького городка – он прожил три года в Европе. Если бы они оба выпили, подумала Маргарет, алкоголь помог бы преодолеть разделяющие их барьеры и они стали бы друзьями.

Играл оркестр, и хорошенькая филиппинка в облегающем белом платье пела *Solamente Una Vez*⁸ звонким, чистым голосом, выделяя безупречно раскатистые «р» и встряхивая яркими маракасами в такт кубинским барабанам. В баре было немногочленно, но тем не менее очень шумно, в сигаретном дыму гудели мужские голоса. Мужчин в баре было куда больше, чем женщин, индонезийцев – совсем немного. Из местных, похоже, были только женщины, и почти все проститутки.

– Вот он, весь цвет Запада, – сказала Маргарет. – Видишь вон тех двоих? Несколько лет назад они стали лауреатами Пулитцеровской премии. Предполагается, что они будут освещать одну из самых острых политических ситуаций в мире, а они что делают? Снимают девушек, которые дома им недоступны. А вон тот идиот, да, тот, что тискает батачку, должен был распределять поддержку от Всемирного банка, но, похоже, ему самому понадобится поддержка после такого количества клубничного дайкири.

– Вы здесь всех знаете? – спросил Дин.

– Кое-кого знаю.

В дверях появился крупный мужчина, краснолицый, веснушчатый, с рыжевато-русыми волосами, и направился прямо к Маргарет. С ним была молодая местная девушка, высокая для яванки и довольно светлокожая.

– Как ты, Маргарет? Сто лет тебя не видел – с прошлогодней вечеринки в честь Дня независимости у Лазарских. Кто твой бойфренд?

– Это не мой *бойфренд*, это коллега из университета. – Она собиралась представить Дина, но обнаружила, что тот незаметно улизнул и уже направляется в сторону туалета. – Как поживает твоя *подружка*, Билл?

– Прекрасно, – ответил он, положив внушительную руку на плечи спутницы, – просто прекрасно. Вообще она Сусанти, но я зову ее Сью.

– Давно вместе?

– Да вроде давно. По крайней мере, это мой самый долгий роман с тех пор, как я тут, – рассмеялся он и похлопал себя по карманам в поисках сигарет.

– Ничего себе. Аж две недели? Мои поздравления.

Он заулыбался, потом разразился нарочито громким смехом.

– Ты меня с ума сведешь. Все та же Маргарет.

– До встречи, Билл.

В дальнем конце зала освободился столик на двоих – в темном углу, где перегорели лампочки. Маргарет села и предприняла вялую попытку все-таки их включить. Она любила, когда все залито светом, предпочтительно солнечным. Не то чтобы она боялась темноты, она ее просто не любила, потому что ее раздражала невозможность четко видеть. Окна выходили на узкие улочки, вдали от шума и потока машин на большой круговой развязке. Народу там

⁸ Всего лишь раз (*исп.*).

было немного, всего несколько шоферов из посольств, ждавших, пока начальство поужинает. Они стояли небольшими группками, курили и обменивались сплетнями. Большинство было одето прилично – брюки со стрелками и рубашки цвета хаки, – но по некоторым из местных трудно было понять, кто они такие – то ли телохранители, пытавшиеся слиться с толпой, то ли журналисты, подкупавшие шоферов с целью что-нибудь выведать. Маргарет попыталась понять, кто есть кто. Распознавать, что скрывается за непроницаемой азиатской маской, она умела неплохо. Она научилась этому в джунглях, среди племен, которые носили маски в буквальном смысле и пользовались языком тела, недоступным пониманию чужаков, и теперь с большим успехом применяла свой талант по всей Индонезии, даже в городе с населением в три миллиона человек. В Америке и Европе она не добивалась особых успехов, ее локаторы не улавливали нужных сигналов от жителей западных стран. Она не могла толком понять даже своих родителей.

– Так кто этот ваш друг? – спросил Дин, садясь к ней за столик.

– Какой друг?

– Тот американец.

– Ты про Билла Шнайдера? Он мне не друг. Работает в посольстве. Не знаю точно, чем он занимается – чем-то связанным с финансами. Хотя ладно, подозреваю, что он организует движение взяток из нашей замечательной страны в вашу замечательную страну, чтобы воплотить в жизнь все ваши замечательные проекты.

– Как этот отель?

– Наверное. Хотя, думаю, этот отель финансировался скорее за счет японского бакшиша, но это не так уж и важно. Билл и его компания, естественно, и тут поучаствовали. Уверю тебя, этот человек везде пролезет.

Они наблюдали, как Билл в компании друзей пьет пиво из высокого бокала. Он тушил сигарету неловкими тычками и хлопал окружающих по плечу, чтобы привлечь внимание к своим шуткам. Он много смеялся, и всегда громко. С другого конца зала они слышали только обрывки его реплик:

– ...в прошлом году «Янкиз» не повезло, в этом наверстают... Да говорю вам, с таким именем, как Йоги Берра, нельзя проиграть...

– Он хотя бы знает индонезийский, – сказала Маргарет, – и русский тоже, что в этом городе большое подспорье.

Дин кивнул.

– Девушка с ним хорошенькая.

– Еще бы, у него полным-полно очень притягательных для женщин американских долларов. Хочешь еще колы?

Дин покачал головой:

– Спасибо, но мне пора. До квартиры долго добираться.

– Я, пожалуй, тоже пойду. Прости, что вечер получился унылый.

Пока они шли через большой вестибюль, элегантные мужчины в пиджаках в стиле сафари и дорогие женщины в сверкающих платьях оборачивались посмотреть на них. Они помешкали у входа, не зная, как попрощаться. Поцелуй? Об этом не может быть и речи. Объятия? Все еще слишком интимно. Рукопожатие? Слишком официально.

– Ну, увидимся завтра, – сказала Маргарет и неловко помахала.

– Да, – отозвался Дин, и на его лице мелькнула улыбка, но не та нечитаемая, которая выводила ее из себя, а какая-то тонкая и усталая.

Он выглядел непривычно уязвимым, когда быстро шагал по извилистой подъездной дорожке мимо длинного ряда блестящих черных лимузинов, а потом растворился в потоке машин. Из-за огней небо над этой частью города даже ночью казалось бледным и подернутым дымкой.

– Маргарет! – окликнул ее кто-то. Снова Билл Шнайдер. На этот раз девушки с ним не было. – Я увидел, как ты уходишь, и подумал: «Не может быть, что она так быстро нас бросит!»

– Бросаю, Билл.

– Подожди. – Он улыбнулся, обнажив верхний ряд идеальных зубов. – Помнишь, о чем мы говорили в прошлый раз?

Маргарет посмотрела ему в глаза и отвела взгляд.

– Да.

– И?

– И что?

– Ну... – Он сделал паузу. – Нам нужно знать, что ты... думаешь.

Маргарет не ответила. Перед ними тек непрерывный поток лимузинов, от рева двигателей и выхлопных газов ее мутило, а свист швейцаров резал уши и усиливал зарождавшуюся головную боль. Она хотела домой.

Билл молча смотрел на нее. Маргарет уже показалось, что он готов простоять тут всю ночь, ожидая ее ответа, но в конце концов он сказал:

– Извини. Не самое подходящее место для разговоров. Точно не хочешь вернуться и выпить еще пива? Нет, ты устала. Ну конечно. Слушай, приходи ко мне в посольство. В ближайшее время.

Он протянул ей сложенную газету. Она увидела того же улыбающегося игрока в бадминтон, что и днем, половина его лица терялась в сгибе. Билл наклонился поцеловать ее в щеку.

– Приезжай скорее, Маргарет.

– Такси, мадам? – спросил швейцар.

– Нет, спасибо, я немного пройду.

Она подошла к проезжей части, остановилась перед бурлящим потоком машин, и на нее обрушились жалобные крики детей-попрошаек и пронзительные вопли мальчиков и девочек, стоявших на другой стороне улицы. Маргарет было тяжело смотреть на них, и она отвернулась, пытаясь притвориться, что эти звуки – что-то механическое, а не человеческое. Город никогда еще не казался таким бесконечным, таким давящим, таким хаотичным, и с каждым днем этот бесконечный давящий хаос только усиливался. Передумав идти пешком, она все-таки поймала такси, насквозь провонявшее дымом кретека⁹. Развернула газету и посмотрела на первую страницу. Почерком Билла – удивительно изящным – там было написано: *Стр. 5. P. S. Рад встрече. Б.*

Маргарет пролистала газету. В Европе очередные протесты против заключения Манделы. Сукарно осуждает Тонкинскую резолюцию. Абебе Бикила – надежда Африки на золото. Брежнев увеличит объемы помощи Индонезии. Употребление наркотиков в Малайзии достигло масштабов эпидемии, Британия не оказывает никакого содействия. На отдаленных островах арестованы коммунисты. Все это казалось Маргарет знакомым – разве она не читала это сегодня утром?

Она вернулась к пятой странице. Под статьей об аресте коммунистов поместили небольшую картинку. В тусклом свете на заднем сиденье такси трудно было разглядеть и без того размытую фотографию – двадцать человек в тюремной камере. Но одно лицо выделялось своей бледностью на фоне остальных: лицо европейца.

⁹ Вид популярных в Юго-Восточной Азии сигарет, в составе которых, помимо табака, гвоздика и другие пряности.

4

В 1841 году китайское судно «Нань Син», шедшее под голландским флагом, отправилось из Кантона в Батавию с грузом фарфора, шелка и чая. К югу от мыса Варелла погода не по сезону испортилась, и корабль долго дрейфовал в юго-восточном направлении, пока, увлекаемый мощными течениями, не разбился о печально знаменитые рифы у скалистых берегов Нуса-Пердо. Воспользовавшись своим древним правом на разграбление затонувших кораблей, султан немедленно послал флотилию маленьких лодок добыть с обломков «Нань Сина» драгоценные товары. Разгневанные колониальные власти Батавии потребовали вернуть груз и велели султану подчиниться голландскому правлению. Его предсказуемый отказ привел к нескольким вооруженным стычкам, а те переросли в противостояние, длившееся два дня. За ним последовали еще пятьдесят лет кораблекрушений, грабежей и нерешительных попыток голландской армии взять остров под свой контроль. На покорение Пердо они бросили не так уж много сил, поскольку на острове не было ни пряностей, ни сандалового дерева. Поросший низеньким кустарником и примечательный разве что своим потухшим вулканом, этот невзрачный остров терялся на фоне своих куда более привлекательных соседей, пока в конце века открытие кайюпутового дерева и слухи об огромных запасах золота снова не привели белых людей к его берегам, и на этот раз они здесь остались. Султан покончил с собой, остров перешел под власть Голландии.

Никто в точности не знает, как остров получил свое любопытное название, которое звучит крайне нехарактерно для (в настоящее время практически мертвого) местного диалекта. По словам французского ученого Гастона Боске, публиковавшего работы о мусульманских сектах восточного архипелага в довоенном журнале «Исламоведческое обозрение», это название произошло от искаженного *pieds d'or*¹⁰, что указывает на восхищение первых западных путешественников обувью из золотой ткани, которую носили принцы королевского двора в семнадцатом веке, а также на то, что эти исследователи буквально ступали по залежам золота. Однако в свете относительной скудости ресурсов на острове такие объяснения выглядят крайне неправдоподобными (слухи о золотых месторождениях оказались мифом). Не более вероятно, хотя и немного более романтична, еще одна версия: будто бы в начале шестнадцатого века на скалистом побережье потерпели крушение члены португальской разведывательной экспедиции, как это в последующие столетия произойдет и со многими другими мореплавателями. Застряв в сотнях миль от судоходных путей между Малаккой и Китаем, они назвали это место Затерянным островом, Нуса-Пердо, – название сохранилось и по сей день. Эта теория также объясняет, почему в городе есть три торговца с фамилиями Тейшейра, де Соуза и Менезеш, хотя выглядят они как коренные индонезийцы.

Эти легенды – неофициальную историю Пердо – Адам любил больше всего на свете, изо всех сил цеплялся за них, боясь их лишиться. Он знал, почему они так его успокаивают, они

¹⁰ Золотые ноги (фр.).

показывали причину его инаковости – возможно, в нем тоже текла иностранная кровь. Вот почему он отличался от других детей, вот почему его ненавидели.

Он часто жалел, что у него не жесткие вьющиеся волосы, как у местных мальчишек, и не такое тяжелое квадратное лицо, – эти черты придавали им почти первобытный облик и позволяли лучше переносить резкие перемены погоды. Бывало, если Адам слишком много времени проводил на солнце, предплечья и колени у него начинали саднить, будто натертые мелким песком, а к концу дня становились чувствительными, обгорали совсем как у Карла, – у него была кожа *чужака*. И тогда он мечтал о темной и толстой коже, как у других детей, чтобы к подростковому возрасту она огрубела и могла защитить его от воздействия солнца и ветра. Он мечтал избавиться от своих прямых волос, узкой челюсти и тонких скул, мечтал не выделяться так сильно.

В течение первого безмятежного года после переезда в новый дом ему не нужно было беспокоиться о других детях – да и вообще ни о чем. Гораздо позже он будет вспоминать этот год со смесью ностальгии и сожаления и испытывать странную томительную печаль, которая считается характерной для жителей юго-востока, хотя Адам и не был оттуда родом. Но правда в том, что его жизнь тогда была простой, блаженной и беззаботной, как бывает только у людей, отчаянно стремящихся к счастью.

Их с Карлом дни протекали идиллически, и они занимались всем, чем мечтают заниматься вместе отцы и сыновья. Мастерили воздушных змеев в форме птиц, которые иногда легко взмывали в небо, но куда чаще после очень короткого полета совершали жесткую посадку, к большому удовольствию Адама и Карла; играли во дворе в такрау¹¹, и пухлые ступни Адама на удивление ловко били по твердому ротанговому мячу, а Карлу это давалось хуже из-за больной ноги; выдалбливали сердцевину у выброшенных на берег коряг и собирали семена лонгана, чтобы поиграть в чонгкак¹², – эту игру, как объяснил Карл, завезли на эти острова арабские мореходы сотни лет назад; нашли среди вещей Карла старую жестянку из-под печенья, где хранились шахматы, и нарисовали мелом на полу веранды доску, которую приходилось обновлять каждый раз после дождя.

Это, конечно, было спартанское счастье. Карл часто говорил Адаму, что иногда лучше не иметь вещей, особенно ценных, потому что их можно потерять или их могут отобрать, а кроме того, вещи с собой на тот свет не заберешь. Карл не тратил деньги на игрушки и на все, что считал эфемерным и ничтожным. Пару раз Адам застывал перед стеклянными витринами китайского магазина, любуясь яркими машинками и пластмассовыми водяными пистолетами. «Никто здесь не может позволить себе эти игрушки, – говорил Карл, неопределенно махнув рукой в сторону прибрежных деревень, – и тем не менее они счастливы. Нам это тоже не нужно – мы такие же, как все».

И поэтому они обходились более простыми удовольствиями. Адам научился бродить по мелководью, а когда море было тихим, вместе с Карлом заплывал за рифы. Поначалу он держался на воде спокойно, но потом его охватывала паника от необъятности океанского простора и он барахтался, отчаянно пытаясь вернуться к надежному берегу, пока Карл не брал его за руку. Его прежний мир теперь казался пустым и бесцветным, а в этом мире были калейдоскопические рыбы, пурпурные морские ежи и пульсирующие морские звезды; за кораллами таились следы разбитых кораблей, безмолвные остовы, наполненные сокровищами ушедших времен. Позже Карл рассказывал ему о каждом из этих кораблей: один из них перевозил опиум в Китай, другой был списан с британского военно-морского флота, а в самом большом хранились сотни бутылок драгоценного вина из Порту и Мадейры, до сих пор пригодного для питья. Так

¹¹ Разновидность волейбола, где мяч перебрасывают через сетку ногами.

¹² Традиционная игра, в которой каждый игрок должен, двигаясь по часовой стрелке, в соответствии с определенными правилами раскладывать семена по лункам деревянной доски, забирая их у соперника, и кто соберет в своих лунках больше семян, тот и победил.

Адам учил историю Пердо – он узнал об опиумных войнах, католицизме и разрушительной мощи религии, а также о несправедливом завоевании Азии Европой.

Адам решил, что именно этим и будет начинаться и заканчиваться его новая жизнь – в месте, где ему не грозят опасности большого мира, зато открыты все его возможности. Но в один из дней Карл завел разговор о школе.

– Почему ты не можешь учить меня дома, пак?¹³ – спросил Адам, стараясь подавить растущее беспокойство. – Что еще мне нужно выучить?

– О том, что тебе нужно выучить, в учебниках не пишут. Тебе нужно жить той же жизнью, что и другие дети твоего возраста, быть как все. Нельзя становиться слишком избалованным.

Но Адам уже знал, что он не такой, как все. Именно поэтому он и оказался здесь, на этом острове, который не был его настоящим домом, с отцом, который совсем не был на него похож.

Другие дети. От одного этого словосочетания ему становилось дурно. Уже почти год он не общался с другими детьми. Он видел их в городе, когда ездил с Карлом за продуктами, но не встречался с ними глазами, избегая этих холодных, суровых взглядов, и ни на шаг не отходил от Карла. Он видел, как они сидели на корточках у обочины, щурясь от пыли, когда машина Карла проезжала мимо. А ближе к вечеру, когда море было тихим и тени деревьев на песке доставали до кромки воды, он иногда видел, как они плещутся на мелководье. Их далекие крики звучали пронзительно и угрожающе.

– Не волнуйся, ты такой же, как и остальные мальчики, – сказал Карл, провожая Адама в школу в первый день. Его голос был спокойным, но Адам знал, что Карл сам не уверен в том, что говорит. – Тебе понравится общаться с ровесниками, с другими индонезийцами. А если станет страшно, скажи себе: «Я такой же, как все».

Школа представляла собой однокомнатную лачугу на окраине города – приземистое бетонное сооружение с крышей из гофрированного железа. Адам возненавидел его с самого начала, от одного вида школы его затошнило, перед глазами поплыли цветные пятна, как будто он вот-вот упадет в обморок. (*Я такой же, как все.*) В маленьком классе было восемнадцать или двадцать детей, все мальчики и только одна девочка, чьи коротко подстриженные волосы делали ее похожей на мальчика. Одну сторону ее лица скрывало родимое пятно – багрово-красное облако, тянувшееся от виска до подбородка. Адаму пришлось долго вглядываться, прежде чем он пришел к выводу, что это все-таки девочка, и она показала ему язык и бросила в него шариком из бумаги. Одноклассники окружили Адама и принялись изучать содержимое его новой холщовой сумки: рабочую тетрадь в светло-желтой обложке, карманный атлас и коробку цветных карандашей. Они вырывали страницы из его книг, складывали из них бумажные самолетики и резкими взмахами запускали в воздух. На глазах у Адама по комнате поплыли кусочки его атласа: розово-зеленая территория Соединенных Штатов оплывала в воздухе плавные круги, пока не ткнулась в классную доску и не упала на пол, белизна канадской тундры по дуге вылетела за окно, в пыльный солнечный свет, а безмолвная громада Тихого океана, которую Адам так любил, усеянная островами (Фиджи? Таити?), спланировала на потрескавшийся цементный пол и лежала там в ожидании, когда ее затопчут.

В конце первого дня Адаму не хватило сил проделать весь обратный путь на велосипеде, и на последнем отрезке дороги он толкал его по песку, измученный настолько, что не мог даже плакать. Добравшись до дома, он бросил велосипед на землю и сел на ступеньки, наблюдая, как лениво крутятся, замедляясь, педали. На фоне блекло-голубого неба парили орланы, их крылья подрагивали на ветру. Карл сел рядом и обнял его за плечи. Покачал головой:

¹³ Отец (*индон.*).

– Знаешь, это ведь привилегия.

– Что?

– Сама возможность учиться. Ты видел детей в школе? Как думаешь, из каких они семей? Из ужасных, хотелось сказать Адаму. Из грязных, злых, отвратительных.

– Из бедных. Их родители фермеры или рыбаки, которые не умеют ни читать, ни писать, и все они вынуждены были заплатить, чтобы отправить детей в школу. Они приносят чиновнику из комитета образования немного денег или пачку сигарет и просят внести имя их ребенка в список, а если денег нет, отдают козу, пару цыплят или рис. Места на всех не хватает, поэтому в школу попадают те дети, за кого платят больше. Мне пришлось сделать то же самое, и я заплатил больше всех, потому что я... Ну, им достаточно было посмотреть на меня, и они уже все решили.

– Потому что ты иностранец?

– Потому что я богатый. Или, по крайней мере, они так думают.

Адам смотрел, как Карл поднимает велосипед; руль и педали были все облеплены песком, который отваливался комьями.

– Дело в том, – продолжал Карл, – что никто из этих людей не может позволить себе отправить детей учиться. Они предпочли бы, чтобы дети были рядом, работали в поле или помогали им в море. А теперь придется платить еще и за форму, за обувь, за учебники. Тогда почему же они платят? Потому что хотят, чтобы их дети умели читать и писать, получили хорошую работу в офисе и ездили по Джакарте на машинах. Может, они этого и не осознают, но они верят в будущее Индонезии.

На следующий день он снова отправил Адама в школу.

Учительница объясняла простейшие правила грамматики и элементарную арифметику. Она заставляла зубрить алфавит и показывала новые слова, записывая на доске короткие предложения, которые никто, кроме Адама, не понимал. Казалось, для нее не имело значения, что почти все в классе или спали, или смотрели покрасневшими глазами в окно на травянистые равнины с почерневшими кучами наполовину сгоревшего мусора, в котором копались тощие козы, вытаскивая из золы полиэтиленовые пакеты.

ГРАЖДАНИН. РЕСПУБЛИКА. ПРЕЗИДЕНТ. РЕВОЛЮЦИЯ. ЗАПАДНЫЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ. *Я гражданин Республики Индонезия. Президент Республики Индонезия – президент Сукарно. Президент Сукарно возглавил революцию против западных империалистов, которые разрушили...*

– Жарко, – прошептал кто-то, – и мне надо домой.

Адам обернулся и увидел, что девочка с родимым пятном, разлегшись на парте, вертит в пальцах сухую пластинку листа кокосовой пальмы. Она лениво мазнула листом по спине Адама.

– Твои родители тоже ждут тебя дома?

Адам кивнул. Вблизи оказалось, что темный участок кожи на ее лице – не родимое пятно, а чернильно-красный шрам, почти гладкий, как галька на речном берегу, и испещренный рубцами сосудов. Она была на несколько лет старше Адама, но не выше ростом, ногти у нее были грязные и обломанные.

– Вообще пока что у меня из родителей только мать, – сказала она.

– Пока что?

– Ага, отец в тюрьме. Не знаю, когда его выпустят. Я сирота! Так мать повторяет, когда на нее находит. Рыдать начинает: «Я вдова! Я никто! Моя дочь сирота! Ох, моя дочь сирота!»

Адам хихикнул. Она была куда смуглее его, но все же немного отличалась от остальных детей и говорила с другим акцентом.

– Меня зовут Ненг. А тебя?

Она пощекотала его шею листочком.

– Адам.

– Мне потом надо будет сходить в управление и забрать рис за этот месяц. Хочешь со мной? Тут рядом. А у тебя велосипед есть. – Улыбка обнажила дырку на месте двух отсутствующих зубов.

– Э-м, не знаю. Отец будет волноваться, если я не вернусь домой.

– Да ладно, это недолго. – Она ласково провела листочком по его щеке и захихикала. – Я знаю короткую дорогу к тому месту, где ты живешь.

К тому времени, как они вышли из школы, небо подернулось серебристо-голубыми облаками и было уже не так нестерпимо жарко, с моря подул ветер, обещаая внезапные ливни, которыми славится Пердо. В конце тропинки, ведущей к главной дороге, Адам и Ненг увидели одноклассников, которые ждали их в тени молодого деревца индийского миндаля, сидя на корточках на краю разбитого асфальта.

– Ну привет, дружок, – сказал один из них и встал.

Рубашку он нацепил на голову, завязав рукава на лбу так, что ткань спадала на спину, как у арабских шейхов, которых Адам видел в книгах. Этот мальчик был крупнее остальных, и когда он говорил, его голос ломался, превращаясь из писклявого детского в мужественный хрипловатый и наоборот.

– Это мелкий сирота, который живет с тем европейцем. Ты у него на побегушках, да?

– Нет, – ответил Адам, – он мой отец.

Мальчик запрокинул голову и расхохотался. Вокруг губ у него засохла слюна. Адам заметил, что позади один из его приятелей расправляет на песке черно-красные крылья мертвой птицы, словно пытаясь заставить ее взлететь.

– Ага, конечно. Говно за ним вылизываешь.

Он грубо ткнул Адама в ключицу, тот потерял равновесие и выпустил руль, велосипед упал. Остальные рассмеялись.

– Дохляк, – сказал главарь.

Адам попытался подняться, но ноги у него подгибались, лицо пылало, и он не мог говорить. Голову как будто распирало изнутри, и казалось, что сейчас его вырвет. В ушах стоял сильный шум, какой можно услышать на берегу перед штормом, когда шорох пены заглушает все остальные звуки и лишает ориентации в пространстве. Адам лежал на земле, вяло елозя ногами по медно-красным листьям миндаля. Одноклассники, стоявшие над ним, выглядели размытыми, колеблющимися, как будто их сотрясали порывы ветра. Он задрожал.

Я такой же, как все, я такой же, как все, я такой же, как все, пожалуйста, я такой же, как все...

– Короче, – раздался в ушах хриплый голос не то мальчика, не то мужчины, – кем бы ни был тебе этот белый, он богатый. Купит тебе другой велосипед. А мне нравится этот.

Вокруг задвигались ноги, и Адам услышал, как звякнула цепь. Кто-то дернул за лямку его сумки, и та легко отделилась от его тела, словно больше не хотела ему принадлежать.

– Хватит! – крикнула Ненг. Она подхватила Адама под мышки и привела его в сидячее положение. – Это нечестно. Брось велосипед – или по яйцам врежу.

– Ой, вы только гляньте, кто тут раскудахтался, – произнес хриплый голос. – Что, будешь защищать этого размазню? Да он же мелкий! Ножки вон маленькие, толстые. Он не стоит того, чтобы из-за него тебя избили. Правда же, пацаны? – Теперь голос был тверже, в нем звучала угроза.

– Он хотя бы умеет читать и писать. Ты вон почти взрослый, а читать не можешь. – Ненг пыталась поднять Адама, но ноги его по-прежнему не держали.

– Себе велосипед хочешь, да? – Не то мальчик, не то мужчина шагнул к Ненг, он был почти вдвое крупнее ее.

– Просто оставь его в покое.

Главарь поколебался не больше секунды и отвесил Ненг сильную пощечину.

– Сама-то не из наших, – сказал он. – Грязная уродина.

Ненг не шелохнулась, как будто и не почувствовала удара.

– Ты там поосторожнее, Йон, – тихо сказал мальчик помладше. – Она мадурка. Ты же знаешь, какие они.

– Да плевать, – прохрипел старший. – От этих пришлых одни неприятности. Они отбирают нашу землю. Отец говорит, скоро они погонят нас с нашего же острова и нам жить будет негде. Их станет больше, чем нас! Отцу это все осточертело. Он говорит, надо время от времени преподавать им урок.

– Да ладно, бери велосипед и пошли. Нечего с мадурцами связываться. Только хуже будет.

– Она всего лишь девчонка. Отец говорит, мадурки все шлюхи. Чем быстрее мы покажем, кто здесь главный, тем лучше.

Адаму кое-как удалось привстать, подволакивая одну ногу, и тут Ненг быстрым и ловким движением подняла колено, и оно с громким чавканьем врезалось главарю в промежность. Тот осел на землю и попытался закрыться рукой, но тщетно. Ненг возвышалась над ним и продолжала бить его в то же самое место, иногда надавливая ему на пах всем своим весом, как будто тушила сигарету. Его крики заглушили звон в ушах Адама, и тошнота отступила, его словно окатили холодной водой, так что он смог медленно подняться. Мальчики отодвинулись, Ненг уселась на велосипед и затрезвонила звонком.

– Давай, – весело сказала она Адаму, как будто ничего не случилось, и похлопала по раме перед собой: – Садись сюда, а я поведу. Ладно? Вот и отлично. Поехали!

С воды дул свежий ветер, в котором чувствовался намек на приближающийся дождь. Солнечный свет, рассеянный облаками, играл на волнах, и оттого море выглядело кое-где спокойным, а кое-где мрачным и таинственным. На Пердо, где малейшее изменение погоды разительно меняло облик острова, такое бывало часто. Когда безжалостное солнце стояло высоко, сама возможность дождя представлялась нелепой, а в дождливые дни, когда вода пропитывала все насквозь, казалось, что даже если солнце появится снова, оно никогда не просушит землю. Но были и другие дни – такие, как сегодня, когда в воздухе ощущались одновременно и пыльная сухость, и густая влажность.

Ненг достала из кармана банан, почерневший и слегка раздавленный, так что из кончика, оторванного от грозди, проглядывала мякоть.

– Вид у тебя усталый, – сказала она, протягивая банан Адаму. – Съешь. Станет лучше.

Банан оказался очень спелым, мягким и сладким. Адам торопливо сжевал его и вытер липкие пальцы о шорты. Может, дело было в свежем ветерке, а может, в его воображении, но дрожь в груди начала утихать, сердце – успокаиваться. Он поморгал, потому что в глаза попала пыль, и отвернулся от ветра. Теперь лицо Ненг было совсем близко, и он видел крошечные изъяны, тонкие заломы кожи на ее шраме. Она улыбнулась и показала ему язык, совсем как в тот первый день. Начинался дождь, первые тяжелые капли скатывались с листьев им на головы.

– Уже поздно, – сказала Ненг. – И выглядишь ты плохо. Думаю, тебе домой надо. Мы как раз недалеко от того места, где ты живешь.

– Но я хочу с тобой – ну, помочь тебе забрать рис.

Велосипед затормозил, и Адаму пришлось спрыгнуть на землю.

– Ничего, я и одна справлюсь. Твой отец будет волноваться. Да и ты замученный совсем. Не хочу оказаться виноватой, а то я и так во всем виновата.

Она передала ему руль велосипеда и зашагала прочь от побережья в сторону холмов. Дождь уже хлестал в полную силу – настоящий ливень, который не прекратится еще по меньшей мере час, а то и два. Адам ощутил внезапную панику, представив, что сейчас останется один, и заторопился следом. Она развернулась:

– Если пойдешь за мной, я и тебе по яйцам врежу.

Он смотрел, как она шлепает по лужам, дождь превратился в плотную мутную завесу, и через несколько секунд Ненг скрылась из виду.

Крутя педали, Адам чувствовал, как струйки стекают по лицу и шее, вскоре он был мокрый с головы до пят. Время от времени порыв ветра швырял капли ему в глаза, и Адаму приходилось сбрасывать скорость и усиленно промаргиваться, чтобы понять, куда он едет; парусиновые туфли промокли насквозь, ноги стали липкими, между пальцами забились грязь. Но холодно ему не было, и он больше не чувствовал усталости. Забавно, подумал он, но ему уже и не страшно думать о том, что будет завтра.

– Где тебя носило, сынок? – воскликнул Карл, бросаясь ему навстречу с огромным полотенцем, которое он держал на вытянутых руках, как рыбаки держат сети, перед тем как забросить их в море.

– Нигде, – ответил Адам, пока Карл энергично вытирал его волосы. – Я просто ехал медленно. А то... дождь же.

Утонув головой в сумраке полотенца, Адам и сам почувствовал, как неубедительно это прозвучало. На мгновение он заколебался, не рассказать ли Карлу обо всем. Он понимал, что совершает что-то неправильное. Надо делиться с Карлом всем, потому что Карл сам так поступает; Карл приютил его и разделил с ним свою жизнь, так почему же Адам не может сделать для него такую маленькую вещь? А еще он понимал, что если и рассказывать Карлу, то сделать это надо немедленно, иначе будет поздно. Две, три, четыре, пять секунд. Время было упущено.

Адам не ощущал за собой никакой вины. Теперь, когда удачный момент прошел, ему казалось, что он не сделал ничего плохого. Карл снял полотенце с его головы, набросил ему на плечи, и теперь оно ниспадало складками, как плащ. Он глядел на Адама не мигая, в ожидании объяснений, но Адам просто смотрел на темное море.

– Пойдиними мокрую одежду, – сказал Карл.

На следующий день Ненг ждала его в тени деревьев, недалеко от того места, где главная дорога сворачивала в сторону города; грунтовая же, ведущая к школе, отходила от главной под углом и исчезала в кустах.

– Давай не пойдем в школу. Лучше прогуляемся. Дождя сегодня не будет, – объявила Ненг, щурясь от солнца.

Они оставили побережье позади и поехали по засыпанной гравием тропке, которая уходила к холмам, а когда тропка стала слишком крутой, спрятали велосипед за кустами и пошли пешком. Грубая земля похрустывала под ногами, черный вулканический песок прилипал к босым ступням Ненг, обволакивая пальцы, как деготь. Она не умолкала, показывая Адаму то стайку порхающих вдалеке ярко-зеленых попугаев, похожих на гигантскую саранчу, то валун в форме ладони с отрубленными пальцами, то коралловые рифы, которые с высоты казались картой, огромным водным атласом.

Она рассказала ему и о себе. Ее отец, весело призналась она, сидит в тюрьме, потому что убил человека. Не то чтобы убил, но человек, с которым он сцепился, погиб, хотя это вышло случайно. Отец Ненг просто ударил его, только и всего, ну ладно, ударил довольно сильно, даже ее мать так говорит, но не он же один виноват. Там вообще-то куча народу дралась, это была обычная уличная драка у прилавка торговца рисом, у того, который рядом с часовой башней. Но ее отец единственный, кто до сих пор в тюрьме. А все потому, что он мадурец. Это совсем несправедливо. Он же даже не хотел оставаться на этом острове.

– Тогда зачем вы приехали сюда?

Адам не мог вспомнить, где находится Мадура, но, кажется, она была где-то очень далеко. Он попытался вспомнить уроки с Карлом, когда тот показывал ему все крупные города и острова Индонезии.

Ненг нахмурилась и пристально взгляделась в Адама, сощуриив глаза, как будто заметила у него на лице грязь.

– Боже, какой же ты безмозглый. Нас сюда *переселили*. Мы уехали не по своему желанию, как и все остальные.

На Мадуре у них не было ничего – это перенаселенный остров, где слишком мало коров, слишком много людей и не хватает ни еды, ни работы. Им пообещали работу там, где мало людей и много земли. Правительство объявило о строительстве новой шахты по добыче пемзы, туда требовались рабочие, и им, возможно, выделили бы немного земли в собственность. Правда, ее родители даже не знали, что такое пемза. Не волнуйтесь, успокоил их тот чиновник, мы будем выдавать вам рис каждый месяц, а ваши дети пойдут в школу. Но шахту так и не открыли. Землю им никто не дал, а зачастую не давали и риса. Они прожили на Пердо три года, и никакой работы так и нет.

– А ты? – спросила Ненг. – Откуда ты?

Адам пожал плечами и огляделся в надежде снова увидеть попугаев, но их не было.

– Извини, – сказала она, дотрагиваясь до его локтя. Шрам занимал всю щеку, и казалось, что она улыбается только одной половиной лица. – Я забыла, что ты сирота.

– Неважно, – улыбнулся он.

Но про себя подумал: вообще-то важно. Почему он не знает, из какой части Индонезии он родом? На каком диалекте говорили его родители? Даже сироты не появляются из ниоткуда. Дело не в том, что он так и не осмелился спросить Карла, а в том, что ему это и в голову не приходило. Он мало знал о своем прошлом и еще меньше им интересовался, и до сих пор его ничего не смущало. Так почему же сейчас это незнание начало его тревожить? Он вдруг почувствовал себя виноватым, что прогуливает школу втайне от Карла.

– Пошли, – позвала Ненг, переходя на бег, – я хочу тебе кое-что показать.

Когда они миновали деревья, луг сменился каменистой равниной, поросшей кактусами и низеньким кустарником, вдалеке высился темный пик потухшего вулкана. Ненг исчезла среди камней, и, догнав ее, Адам увидел, что она забралась в естественную нишу в скале, где можно было укрыться от солнца и дождя, – углубление такой идеальной формы, что оно казалось созданным руками человека.

– Вот, гляди, – сказала Ненг, показывая на целую кучу припрятанных в нише вещей. Она взяла маленькую расческу из розового пластика и провела ею по своим торчащим в разные стороны волосам. – Я нашла ее на дороге, она просто лежала и ждала меня.

– Но это же воровство, – отозвался Адам, повторяя то, что однажды слышал от Карла.

– Глупости. Если что-то выбросили, значит, хозяину оно больше не надо, и тогда любой имеет право это забрать. А ты дурак.

Она показала ему другие свои находки: маленький жестяной мотоцикл, начинающий ржаветь в тех местах, где с него облупилась краска; треснувшее зеркальце; книгу в потертой бумажной обложке с огромной морской рыбой, на которую готовился напасть ныряльщик с ножом (там было и название на немецком, но Адам не мог его прочесть); куклу с голубыми глазами и темными завитыми ресницами. Нарисованные белокурые волосы напоминали шрам, смотрелись как дефект. Ненг взяла куклу на руки, словно настоящего младенца, и стала укачивать, прижав ее головку к своему лицу. Она сидела скрестив ноги, лицом к выходу из крохотной пещерки. Над кронами низких деревьев виднелись бурые равнины и далекое море.

– Здесь меня никто не найдет, – сказала она. – Это мое секретное место.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку, и он почувствовал тяжелый запах нестиранной одежды и немойтой кожи. Он покраснел и слегка отстранился; прикосновение ее губ было странным, сухим и горячим, и ему это не очень понравилось. Она хихикнула и потеснее прижала к себе куклу.

С тех пор они каждый день прогуливали школу, катили на велосипеде, пока хватало сил, или шли вглубь острова. Бродя по южному побережью, они забирались на вершины крутых, поросших папоротником утесов и видели обломки кораблей, торчащие из пенящейся воды; в лесу на холмах их застал ливень, а потом за ними погнались дикие козы; в высохшем русле реки они нашли гигантские камни, которыми славится Пердо, – древние валуны, исчерченные обрывками повторяющихся слов на незнакомом языке, которые Адам срисовал в тетрадь, чтобы позже выяснить, что они испанские (и совершенно бессмысленные: «сон» и «сумасшедший»). Они встретили группу ученых, которые собирали образцы горных пород неподалеку от того места, где жил Адам, эти ученые собирались строить шахту, но не уточнили, какую именно. Один из них, американец, дал Ненг и Адаму по три доллара и старую футболку с надписью «БЕРКЛИ». Ненг сказала, что она должна достаться Адаму. Ей футболка не нужна, она и так счастлива, и не из-за денег, а потому что ее отец наконец-то, НАКОНЕЦ-ТО получит работу на шахте. Она постоянно повторяла это Адаму, пока они ехали домой. Она оборачивалась, строила ему рожицы, и велосипед начинал петлять туда-сюда. Над ними медленно тянулась к югу стая птиц – трепещущие черные треугольнички на фоне бело-голубого неба. Адам сказал, что они, наверное, летят в более прохладные места, в Австралию, а Ненг спросила, с чего он это взял. Он не знал, что это за птицы, и тем более не знал, что это их последний разговор с Ненг.

На следующий день она не ждала его у поворота, а когда он пришел в школу, ее там не было. Он начал спрашивать о ней, и все говорили: ну да, девочка с Мадуры, ее родители уехали на Яву или куда-то там еще, кто их знает, такое бывает сплошь и рядом, они же не местные, так зачем им тут оставаться?

Адам продолжал ходить в школу, но без Ненг все изменилось. Если в последнее время он спал спокойно и крепко, то теперь ночи снова стали тревожными. Ощущение пустоты, которое то и дело будило его, стало возвращаться чаще и с большей остротой, чем раньше. Адам повисал посреди ничего, вздрагивал и просыпался, судорожно дергая ногами. Открывая глаза в темноте, он думал, что видел во сне брата, но образ Джохана не запечатлевался в памяти, и тогда он понимал, что ему, как всегда, не снилось ничего. Ему просто померещилось, что он видел Джохана, – это был сон о сне. Раньше он думал, что победил свой страх, но это оказалось неправдой. Он подходил к окну и смотрел в чернильную тьму, на силуэты деревьев на фоне ночного неба, и его немного успокаивало осознание того, что он не в Старой жизни с ее неизвестными ужасами, а в Новой жизни с ужасами известными и куда менее ужасными.

Однажды утром он обнаружил на полу своей комнаты большую коробку, обернутую в цветную бумагу с узором в виде галстуков-бабочек и обычных бабочек. На бумаге были заломы, как будто она очень долго лежала сложенной.

– С днем рождения, – сказал Карл, появляясь в дверях.

Адам вдруг понял, что не знает, когда у него день рождения. В приюте никто ничего не отмечал – по крайней мере, он такого не помнил.

– Я не знал, когда у тебя день рождения, поэтому решил, что впредь мы будем отмечать его в годовщину твоего появления в этом доме.

Адам и не подозревал, что провел здесь целый год, – казалось, что с тех пор, как он приехал, прошло всего несколько минут.

– Зачем? – спросил Адам, когда Карл закрыл ставни и дверь.

Утро было пасмурное, моросил дождь, туман с моря держался дольше обычного.

– Увидишь, – ответил Карл, ставя коробку на кровать Адама. – Давай, открывай.

Адам принялся нервно отдиравать оберточную бумагу, и вот показалась картонная коробка с потертыми и истрепанными краями. На ней была изображена кудрявая женщина, которая весело опрыскивала подмышки дезодорантом. Губы у нее были подведены алой помадой в тон алому платью, а в волосах алел цветок.

– Это просто коробка, – сказал Карл, забирая ее у Адама. – Я тебе покажу. – Он сунул руку внутрь и достал что-то похожее на стеклянный шар, но не совсем шар. – Это волшебный фонарь. Сейчас увидишь, как он работает.

Он включил настольную лампу и поставил на нее фонарь. Внезапно стены комнаты Адама растворились и он оказался в северном лесу. Буфет окружили заросли островерхих деревьев, и из-за них появился красивый светловолосый юноша верхом на лошади, он скакал по желтой вересковой пустоши. Над всадником вращалось залитое солнцем золотистое небо, расчерченное причудливыми облаками. Был там и замок медового цвета, но картинка была отсечена по кривой линии и переходила в жемчужную пустоту.

– Извини, просто в этом месте в лампу вставляется диск.

Карл взял фонарь и начал что-то в нем поправлять. На мгновение в комнате Адама снова воцарился глухой сумрак, но потом сон возобновился. На башне половинчатого замка стояла белокурая принцесса в голубом платье, умоляя юношу прийти к ней.

– Это Голо, – сказал Карл. Он устроился на полу, заложив руки за голову, и смотрел в волшебное небо. – А прекрасную деву зовут Женевьева. Красивая же, правда?

Адам кивнул. Он лег на кровать и стал любоваться небом. Дождь тихо барабанил по крыше, вдалеке слышался слабый шелест прибоя.

– Когда-то этот фонарь принадлежал мне, – продолжал Карл. – Я был примерно твоего возраста, а может, даже младше. К тому времени мы уже уехали из Индонезии и жили в Гааге. Мне было трудно засыпать, и каждый вечер повторялось одно и то же. Няня-голландка заходила ко мне и зажигала волшебный фонарь. Мне очень нравился Голо, и я мечтал стать как он. Я лежал в постели, надеясь, что придет мать и поцелует меня на ночь. Я представлял, как она говорит: «Хорошо, малыш, я поцелую тебя в последний раз, как Женевьева, но потом ты должен заснуть». Она так ни разу и не пришла, но у меня хотя бы был волшебный фонарь, и от этого было легче.

В тот вечер Адам проглотил свой праздничный ужин, состоявший из мясного хлеба и жареной картошки, как можно скорее. Потом забрался в постель, выключил свет, и его комната снова превратилась в зачарованный лес. Он подумал о Ненг, о том, как она попыталась поцеловать его; он знал, что она никогда не вернется. На него накатило горькое оцепенение, которое казалось знакомым, словно осталось от его Простой жизни в приюте, и он понимал, что должен стряхнуть его, пока оно не овладело им полностью. Он глубоко вздохнул и медленно сосчитал от одного до десяти. Этому чувству не было места в его Новой жизни.

– Спокойной ночи, сынок, – сказал Карл, открывая дверь и разламывая лес. – Я знаю, тебе непросто, но помни, что нам очень повезло. Надеюсь, у тебя был хороший день рождения.

Адам кивнул, и Карл выключил свет.

– Подожди, – тихо окликнул его Адам в темноте. – Какое сегодня число? Когда у меня день рождения?

Карл остановился в дверях.

– Семнадцатое августа.

Позже Адам узнал, что семнадцатое августа еще и День независимости. В его день рождения по радио всегда передавали бравурные песни и речь президента, и Карл настаивал, что ее надо послушать. На окна вывешивали красно-белые флаги, а вечером устраивали застолья и танцы, которые продолжались до поздней ночи. Перед тем как лечь спать, Адам включал свой волшебный фонарь и смотрел на кружащиеся пейзажи, ставшие ему такими близкими, слушал далекий смех и вдыхал слабый аромат жареного мяса и дыма от углей, который приносил морской бриз.

Нет, думал Адам, он не *такой же*, как остальные мальчики.

Помедленнее, Джохан, помедленнее.

Они неслись по безмолвному городу, и неоновые всполохи окрашивали ночь электрическими соблазнами.

КИСКА \$\$\$ ШАНХАЙСКАЯ МЕЧТА ГРЕЗЫ КОПАКАБАНЫ
ДЕВОЧКИ ДЕВОЧКИ ДЕВОЧКИ.

Пожалуйста, Джохан, притормози, – попросила Фара. – Ты когда-нибудь убьешься, если будешь так ездить.

Темные перекрестки он пролетал на красный, даже не глядя. Он никогда не обращал внимания на другие машины, он вообще ни на что не обращал внимания.

Не волнуйся, – сказал он, – все нормально, уже поздно, машин нет.

Он вел, запрокинув голову, словно в лицо дул ветер, но в этом городе никогда не было ветра.

Черт, – пробормотал Боб на заднем сиденье, – вот это круто.

Он вжался в сиденье, когда они промчались по перекрестку с круговым движением, новые шины «мерседеса» взвизгнули. Фара вцепилась в дверцу и повторила:

Пожалуйста, Джохан, ради бога.

Впрочем, она знала, что с ним бесполезно разговаривать, когда он в таком настроении.

Джохан, ребята, слушайте, – сказал Боб. – Давайте съездим к реке и посмотрим, как дела у девочек. Пятница, вечер, там все *мак-нья*¹⁴ будут. Поехали, а?

Нет, – возразила Фара. – Я не хочу. Джохан, пожалуйста.

Да ну, сестренка, чего ты сразу. Весело же будет. Что скажешь, Джохан? Все знают, что у них лучшие сиськи в городе. Хочу посмотреть на их коротенькие платица, которые даже задницу не прикрывают, они прямо ух.

Джохан улыбнулся и пожал плечами. Ладно, почему бы и нет.

Они сбавили скорость, свернули с хорошо освещенного широкого шоссе в один переулок, потом в другой и наконец выехали на длинную узкую дорогу, тянущуюся вдоль мелкой грязной речки, которая вообще была похожа не на реку, а скорее на полосу жижи между двумя огромными илистыми отмелями.

Выруби фары, Джохан, быстро.

«Мерседес» тихо полз вперед, мотор работал почти бесшумно. В густой тени под старыми дождевыми деревьями шевелились какие-то тени. Вдоль дороги было припарковано несколько машин, но трудно было определить, есть ли в них кто-нибудь.

Вы только гляньте на эту цыпочку, – сказал Боб, высовываясь из окна.

Девушки появились из темноты, кто поодиночке, кто парами, держась за руки, и плавной походкой направились к машине. Они были самые разные – китайки, малайки, индианки и даже те, кто родился мужчинами, – но в вечной ночи, царящей на этой улице, они все были просто девушки.

Какие из них настоящие, а какие нет? – спросила Фара. – Я никак не могу определить.

Аду, ты и правда глупая, да? – Боб хихикнул. – Ты о чем?

Я имею в виду, кто из них действительно девушки? Только не говори, что ты знаешь, кто, ну...

Трансвеститы? – вставил Джохан.

Да, парни, которые притворяются девушками.

¹⁴ Трансвеститы (*малайск.*).

Это так важно? – Джохан рассмеялся. Сегодня вечером смех у него был холодный, злой. Фара не любила, когда он становился таким. – Зачем тебе это знать? Только не говори, что хочешь с кем-то из них уединиться.

Ты мерзкий.

Это не парни, которые притворяются девушками, – сказал Джохан, – это парни, которые *и есть* девушки. Некоторые из них уже даже не парни, а настоящие девушки... такие же, как ты.

Фара покачала головой:

Не говори так, они не как я.

Ух ты! – воскликнул Боб. – А ну-ка, девочка, покажи нам свои тетек¹⁵.

Самые красивые дальше, у того «остина» под большим деревом, – сказал Джохан.

Он остановил машину. Их окружили девушки, не меньше десятка. Они поняли, что это не полиция, и больше не боялись. Пара девушек прошлись перед «мерседесом», покачивая бедрами и взмахивая длинными блестящими волосами. Гладкие мускулистые ноги, туфли на высоком каблуке, на плечах маленькие сумочки, расшитые бисером.

Эй, мальчики, – кричали они, – какая у вас крутая машина! Идите сюда, посмотрите, что у мамочки есть!

Ну ладно, – сказал Джохан и вышел из машины.

Твою ж... Сестренка, останови его! Да он рехнулся!

Джохан, вернись, вернись, – взмолилась Фара, – это опасно.

Но он уже успел отойти на некоторое расстояние, шагая, как всегда, бодро и пружинисто, засунув руки в карманы.

Джохан.

Голос Фары превратился в отчаянный шепот. В темноте раздался звук ее шагов – она побежала за ним. Он не оглянулся. Он знал, что впереди осыпающаяся кирпичная стена как раз такой высоты, чтобы за ней могли спрятаться двое, если сядут на корточки. И у этой стены будет девушка, всегда одна и та же девушка.

Привет, – сказала эта девушка. – Привет, красавчик.

Она была не высокой, но и не маленькой, одного роста с Джоханом. У нее были узкие плечи и крепкие бедра, и она никогда не прятала лицо под толстым слоем пудры, в отличие от других.

Давненько я тебя не видела, – продолжала она, закуривая «Винстон». – Где ты был?

Да так, то тут то там.

Твоя новая подружка?

Нет, сестра.

Хорошенькая.

Вообще-то она мне не родная сестра. Фара, это Реджина, Реджина, это Фара.

Здравствуйте.

Здравствуй, принцесса. – Реджина глубоко затянулась сигаретой. Та сверкнула, как драгоценный камень, и через пару секунд снова потускнела. – Слушайте, детишки, рада вас видеть, но у меня дела. Ты же знаешь. Копы уже были здесь сегодня вечером, облапали девчонок и отобрали наши деньги, так что...

Да, конечно. Еще увидимся.

Кто это? – прошептала Фара. – Боже мой, Джохан. *Пожалуйста*, не говори, что ты встречаешься с проститутками.

Он слегка повел плечами в темноте, как будто пожимая ими, но не совсем. Когда они шли мимо «остина», оттуда выбралась девушка, отбрасывая волосы с лица. Браслеты на ее запястье зазвенели металлической симфонией, но тут машина резко завелась, ярко вспыхнули

¹⁵ Сиськи (малайск.).

фары, и в мазнувшей по дороге полосе света заметались разбегающиеся люди, а потом все снова погрузилось в темноту.

Черт, – раздался чей-то баритон, – я думал, это опять копы, а теперь у меня прическа испорчена.

Прическа? Этот топи келедар ты называешь прической? Радость моя, это шлем, в следующий раз просто сними его.

Вы куда пропали? – спросил Боб. – Поехали отсюда. – Он как-то притих, сидел, скрестив руки и спрятав ладони под мышки, будто от холода. – Я хочу домой. Я устал.

Нет, – сказал Джохан. – Пока рано.

«Мерседес» вынырнул из переулка и снова ожил.

Некоторое время спустя, когда фонари на улицах погасли, а воздух, врывающийся в окна, перестал казаться горячим и липким, Джохан спросил:

У тебя когда-нибудь возникало такое чувство, Фара?

Какое чувство?

Что твоя жизнь тебе не принадлежит. Что ты не можешь ею управлять.

Нет. Это как?

Ты когда-нибудь чувствовала, что твоя настоящая жизнь не здесь, будто кто-то украл ее и увез куда-то далеко?

Фара посмотрела на него и покачала головой:

Нет, Джохан, мама сказала, что нам нельзя об этом говорить. Поехали домой.

Нет, – ответил Джохан. – Куда угодно, только не домой.

Это был молодой, стремительный город, где не хотелось спать, не хотелось останавливаться. Здесь не было прошлого, только настоящее. Вчерашний день оказывался всего лишь сном, прошлая неделя забывалась, последнего месяца вообще не существовало. Все ночи казались одинаковыми. Жизнь начиналась заново в шесть тридцать и шла по кругу, как стрелки часов. Выхода не было. Так здесь было всегда.

5

Телефон перестал звонить как раз в тот момент, когда Маргарет открыла глаза. Трезвонил он уже вечность. Голова болела чудовищно. Маргарет покосилась на часы: девять сорок. Она даже не помнила, когда в последний раз просыпалась так поздно. Превращаюсь в старую белую клушу, подумала она, плетясь в ванную. Было бы неплохо иметь в доме колокольчик, чтобы позвонить в него и вызвать какого-нибудь смуглого полураздетого юношу с парой таблеток аспирина на серебряном подносе. Вчера она задремала в ротанговом кресле в гостиной и проснулась от боли в шее. Сил ей хватило только на то, чтобы доковылять до спальни и рухнуть в постель, не приняв душ, и теперь она вся была в остывшем поту, как будто кожу покрыли тонким слоем влажной краски.

Пока Маргарет одевалась, телефон зазвонил снова. Теперь, когда она проснулась окончательно, в звонке ей почудилась необъяснимая угроза. Она медленно подняла трубку и поднесла ее к уху, но ничего не сказала; она даже почти не дышала. Воцарилась тишина, как будто человек на другом конце провода тоже затаил дыхание, и воздух в комнате стал казаться спертым. В трубке щелкнуло, связь прервалась.

– Наверное, опять что-то с телефонной станцией, – пробормотала Маргарет вслух.

Звук собственного голоса успокоил ее, и она начала напевать себе под нос бессмысленную мелодию, игравшую накануне вечером в «Яве». Откуда-то она знала, что телефон зазвонит снова, и на этот раз она не будет такой трусихой. Уже одетая, чувствуя, что головная боль стала скорее тупой, чем пронзительной, она потянулась к трубке, как только раздалась резкая трель.

– Да что ж... вы хотели? – громко спросила она, бросая вызов таинственному собеседнику.

Последовала пауза длиной в полсекунды.

– Маргарет? – Голос Дина звучал робко, почти испуганно.

– Да, это я. Привет, Дин. Это ты пытался дозвониться до меня раньше? Пару минут назад?

– Э-э, нет, – сказал он. – У вас все в порядке?

– Конечно. – Маргарет сунула ноги в туфли. Она была уверена, что звонил именно он, иначе и быть не могло. – Ты уже оправился от вчерашнего ужаса?

– Вообще, было даже интересно, я думал об этом по дороге домой. Я рад, что вы взяли меня с собой. Может, как-нибудь повторим.

– Конечно. Может быть.

– У вас точно все хорошо?

– А почему должно быть плохо-то?

– Ну, просто вы всегда очень пунктуальны. Обычно вы приходите раньше меня, вот я и решил позвонить и узнать, все ли в порядке.

– И что, по-твоему, могло со мной случиться? Думаешь, я пала жертвой похотливого таксиста? Просто проспала, вот и все.

Дин некоторое время молчал. Маргарет представила себе его непроницаемую улыбку.

– Ну ладно, – спокойно сказал он, – тогда, наверное, еще увидимся.

– Да, наверное.

Она с громким стуком бросила трубку на рычаг и прошла в гостиную. Стол из искусственного зеленого мрамора с прожилками был наполовину завален бумажками и фотографиями. Маргарет не потрудилась сложить их обратно в коробку, стоящую на полу возле низкого плетеного кресла. Вчера, вернувшись с отяжелевшей от выпитого головой, она захотела посмотреть на эти старые снимки. Она не доставала их очень давно и даже не сразу вспомнила, где находится коробка. Та нашлась в маленькой кладовке, куда Маргарет относила все, чем не пользовалась ежедневно, так что вещи накапливались там слоями. И вот, проводя археологические раскопки собственной жизни, она обнаружила, что коробка – редкий палеонтологический образец, след подросткового периода – погребена под старыми учебниками времен колледжа и лежит на крышке (ну, почти на крышке) другой коробки с надписью «Детство в Новой Гвинее». Однажды отправленные в кладовку вещи редко из нее возвращались; на корешках книг откладывали яйца гекконы, а в коробки заползали умирать мыши. Маргарет понятия не имела, почему провела добрых полтора часа на четвереньках, с трудом удерживая фонарик между подбородком и плечом, чтобы извлечь эту коробку из могилы воспоминаний. Она рассматривала фотографии до глубокой ночи, пока не замолчали даже мотороллеры, собаки и радио. Она с удивлением отметила, что практически не изменилась, и даже обрадовалась, когда узнала себя на снимках. Конечно, она постарела, но сходство между пятнадцатилетней Маргарет и Маргарет, разменявшей пятый десяток, было очевидным: худощавая подростковая фигура, жилистые руки, аккуратно убранные со лба волосы, вызывающе поднятый подбородок, своенравная улыбка. Все та же Маргарет.

Она гадала, узнала бы других людей на фотографиях, если бы встретила их сегодня. Отца, когда он лежал на смертном одре, она совсем не узнала. Она тогда прилетела в Нью-Йорк и ехала на север штата сквозь начинающуюся снежную бурю, греясь только памятью о джакартской жаре, чтобы побыть с отцом. Он лежал в провонявшей дезинфекцией палате в доме престарелых на окраине Итаки, бледное, бесцветное лицо было испещрено пятнами. Редкие пряди отросших волос облепляли покрытую струпьями голову, как нити тонкого белого шелка. Он выглядел как обычный старик, такой же, как те, что играли в карты в холле. Ему едва исполнилось шестьдесят, но рак взял над ним верх.

Когда отец улыбнулся, Маргарет почувствовала ужасную боль в груди; раньше она никогда не думала, что горе может ощущаться физически. В этой короткой слабой улыбке она узнала отца, того самого, чей образ всегда хранила в воображении. И она обрадовалась, когда он закрыл глаза, потому что в тот момент он снова стал стариком, который был ей чужим и чья боль тоже была ей чужда.

Здесь, на фотографиях, он был таким, каким помнила его Маргарет, – худощавый и загорелый, босой, в саронге; он зачастую оставался на заднем плане, уступая место жене. Свою мать Маргарет не видела десять лет и не была уверена, что узнает ее сейчас.

Она сложила все фотографии, кроме одной, обратно в коробку и прибрала на столе. Потом взяла газетную статью, которую дал ей Билл Шнайдер, и еще раз рассмотрела снимок под лупой. Это не помогло. Картинка только стала более расплывчатой, и зернистая муть не давала никаких подсказок. В толпе из двадцати индонезийцев был один белый мужчина, в этом сомневаться не приходилось. Они находились в тюремной камере или в дальнем конце темной комнаты. Вспышка фотоаппарата застала некоторых врасплох, они растерянно смотрели прямо в объектив, приоткрыв рты. Остальные сидели скрестив ноги и свесив головы на грудь. На заднем плане – одинокий белый человек, привалившись спиной к стене и повернув голову так, будто рассматривал что-то у себя на ноге. Маргарет долго вглядывалась в небольшую видимую часть его шеи, словно это был фрагмент драгоценной мозаики; легкий изгиб слишком хорошо

узнаваем – или ей просто чудится? Она просидела чуть ли не всю ночь, сличая газетный снимок со старыми фотографиями, но так и не смогла прийти к однозначному выводу.

Когда она наконец вышла под пыльные солнечные лучи, на улицах уже вовсю кипела жизнь. Канавы в тенистых переулках возле ее дома больше не были переполнены, там поблескивали мелкие лужицы маслянистой воды, перемежаемые кучами мусора, который не давал воде уходить и медленно гнил на жаре. Пара облезлых собак вяло рылась в поросшей травой горе консервных банок и пустых мешков, пока Маргарет шла мимо магазинов с опущенными бамбуковыми жалюзи. Сто пятьдесят лет назад, когда голландская Батавия переживала свой расцвет, в этих лавках продавались специи, чай и древесные эфирные масла, предназначенные для отправки в Европу, где цены на них достигали немислимых высот; это был порт, расплаяющий безумные европейские фантазии до предела, но теперь от былой славы Старой Джакарты не осталось и следа. В узких улочках больше не звучало эхо голосов преуспевающих торговцев, звон золотых монет утих сто лет назад. Даже на юге, в так называемой Новой Джакарте, Маргарет видела только упадок. Она была свидетельницей того, как этот город рос: простые, функциональные здания, возведенные словно за одну ночь, тянулись ровными рядами, как посеы на полях, кое-где они сменялись анклавами богатых районов, где дороги внезапно расширялись, а за высокими бетонными оградами прятались огромные особняки в западном стиле, так что видна была только яркая псевдотосканская черепица. Здесь все очень быстро ветшает, подумала Маргарет, Джакарта рано или поздно затягивает в свое склизкое месиво, и новые постройки начинают казаться старыми. На гладких бетонных поверхностях разросся мох, солнце и дождь разъели металл и камень, придавая им грязный вид. В этом городе Маргарет не покидало ощущение, что она в трущобах.

Спотыкаясь об остатки булыжной мостовой, она вышла на площадь, обрамленную последними величественными зданиями Старой Батавии. Остановила джип-такси перед портиком некогда красивой, а теперь почти заброшенной ратуши, привлекая внимание компании солдат, сгрудившихся в тени деревянного навеса и куривших кретек. «Простите, сигарет не найдется?» – без особого энтузиазма крикнул один из них, словно предвидя, что Маргарет отрицательно покачает головой. Она знала, что он предпочел бы «Мальборо» или «Кэмел», настоящие сигареты, а не дешевый кретек, которым им с друзьями приходилось довольствоваться. Еще недавно Маргарет всегда носила с собой пачку «Лаки страйк». Американскими сигаретами можно было подкупить кого угодно. Человек – удивительное животное, думала она, даже в голодные времена он скорее выберет предмет роскоши, чем мешок риса. Трубочка табака, сдобренного ядовитыми химикатами, стоила дороже, чем еда для ребенка, потому-то у нее и были с собой сигареты, но теперь их стало очень трудно купить, они слишком подорожали даже для иностранки.

Джип, рывками двигаясь в потоке машин, медленно ехал на юг, к центру современной Джакарты. Погода понемногу менялась: воздух пропитывался сыростью, как это бывает в сезон муссонов, и с каждой неделей возрастала опасность сильных гроз. За последние несколько месяцев сухие и пыльные ветра настолько лишили город влаги, что он превратился в готовый вспыхнуть трут. Иногда воздух казался таким сухим, что трудно было поверить, что Джакарта расположена на побережье тропического острова. Хлипкие домишки в трущобах, мимо которых они проезжали, напоминали Маргарет осенние листья, собранные в кучу для розжига костра и ждущие одной-единственной спички или тлеющего окурка. В сухой сезон в трущобах всегда случались пожары, и за эти три месяца не было и недели, чтобы Маргарет не попался на глаза почерневший остов дома; обугленные доски и покореженные куски железа так никто и не убирал, пока они не превращались в часть городского пейзажа. И тем не менее через несколько недель они отсыреют и станут склизкими, всюду образуются лужи застоявшейся серой воды, как и всегда после дождей, потому что канавы забиты мусором, а Маргарет забудет об иссушающей августовской жаре. Как быстро мы все забываем, сказала она себе, как быстро забываем.

– Остановите здесь, пожалуйста, – крикнула она.

Такси резко затормозило у одного из элегантных современных зданий на краю недавно благоустроенной площади Мердека. Гигантская прямоугольная коробка была возведена из гладкого серого бетона, стеклянные окна сверкали, фасад в соответствии с последней модой напоминал пчелиные соты. За закрытыми дверями слабо жужжали кондиционеры, когда Маргарет пересекала огромный вестибюль, поскрипывая кроссовками по блестящему полу в стиле террасцо¹⁶. За полукруглым столом в кресле дремал охранник, безвольно склонив голову набок и прижимая к животу тонкую тетрадь. Больше здесь никого не было; одинокая ласточка бестолково билась в сводчатый потолок, отчаянно пытаясь выбраться из здания. Маргарет продолжала путь, пока не добралась до задней двери и не оказалась опять на жаре. В тени большого нового здания стояло другое, более старое и поменьше размером, с деревянным верхним этажом, который придавал ему вид деревенского дома. Между двумя этими домами почти не было пространства – ни лужайки, ни двора, только узкий водосток. В послеполуденной тишине вяло стучали пишущие машинки, пока Маргарет поднималась по скрипучей деревянной лестнице. По радио передавали одно из выступлений президента – старая запись, как отметила Маргарет, – тон настойчивый, авторитетный и в высшей степени убедительный. В комнате наверху было несколько мужчин, двое склонились над машинками, остальные дремали в хлипких креслах или на брезентовых раскладушках. Ставни были открыты, но здесь, в тени огромного соседнего здания, царил вечный полумрак.

– Привет, красавчик, – сказала она.

– Боже мой, – отозвался один из мужчин, откидываясь на спинку стула, – да ведь это наша джакартская королева сердец. Чему обязаны такой честью?

– Просто решила заскочить поздороваться, – сказала Маргарет, садясь.

– Впервые слышу, чтобы Маргарет Бейтс просто «заскакивала поздороваться». Чего тебе нужно?

Это был коренастый мужчина с открытой улыбкой и моложавым лицом, которое прорезали неожиданно многочисленные морщины. Мощные волосатые руки и толстые, как у фермера, пальцы как будто совершенно не годились для клавиш пишущей машинки.

– Мне кажется или я улавливаю в твоём тоне нотку цинизма, Мик?

– Да какая там нотка, там целая симфония. Руди, тащи Маргарет пива. И себе захвати. А вообще всем возьми. Теперь, когда пришла Маргарет Бейтс, у нас появился отличный повод выпить.

Другой мужчина, крепкий молодой индонезиец, достал три бутылки «Крушовице» из холодильника, который стоял у голой стены, точно художественная инсталляция. Слегка поклонившись, он протянул одну Маргарет.

– Слушай, Руди, ты знал, что сам Сукарно пытался затащить ее в постель? У него огого как стоял на нее.

– Господи, Мик, заткнись. – Маргарет улыбнулась и взяла холодную бутылку. Головная боль сменилась тупой пульсацией, было жарко и очень хотелось пить. – Это было так давно.

– Ага! Так ты признаешь!

Она повернулась к Руди:

– Не обращайтесь на него внимания. Это обычные сплетни. Сами же знаете, вам вечно скандалов подавай. Журналисты есть журналисты, особенно если они австралийцы.

Руди равнодушно пожал плечами, но продолжал смотреть на Маргарет.

– У меня тогда была другая работа, все было иначе. Я несколько раз встречалась с президентом на официальных мероприятиях, – начала объяснять Маргарет, сама не зная зачем. –

¹⁶ Разновидность мозаичного напольного покрытия, состоящего из цемента с замешанной в него крошкой мрамора, стекла, камня и других материалов.

Чем-то я ему понравилась, и он меня запомнил. А память у него прекрасная. Я дружила с его персоналом, поэтому журналисты часто просили меня назначить встречу во Дворце. А эти озабоченные (Мик с комично похотливым видом поднес бутылку ко рту и облизнул губы) распустили слухи. Вы знаете, как президент относится к женщинам. В общем, просто для справки, он всегда был со мной предельно корректен.

– Угу, – хмыкнул Мик, отхлебывая пива.

– В любом случае очень рад с вами познакомиться, – сказал Руди и опять вернулся к своей машинке.

– Так что тебе нужно от меня на этот раз, дорогая? – спросил Мик.

Маргарет взяла с его стола и начала листать тонкую книгу в расхлябанном переплете – сборник Рильке в переводе Хайрилла Анвара.

– Как по-твоему, это близко к оригиналу?

– С Жидом у него получается лучше. С Рильке он как-то слишком старается, слишком явственно *хочет* настроиться на его волну. А вот с Жидом нет такой неуклюжести, они как будто знают друг друга. Кстати, вот с Рембо Анвар бы прекрасно справился. У них так много общего – разгульный образ жизни, небрежно встрепанные волосы... Жаль, что Анвар его не читал. Они стали бы идеальной парой.

– Вчера в отеле «Ява» ко мне подсел Билл Шнайдер.

Мик откинулся на спинку стула.

– Черт, а я-то думал, ты пришла поговорить о Рильке. С какого перепугу ты общаешься с этим козлом? Меня от одного его имени уже тошнит.

– И вот что он мне дал. – Она протянула ему вырванный из газеты листок. – Ты что-нибудь об этом слышал?

Он окинул листок беглым взглядом.

– Ну и что тут такого? Назревает гражданская война, милая моя. Коммунистов арестовывают и убивают постоянно, и на богом забытых маленьких островах тоже. Что вообще за Пердо? Никогда о нем не слышал.

– Посмотри на фотографию внимательно. Там европеец. Вот. – Маргарет ткнула пальцем в нужное место на странице. – Это необычно. В Индонезии не так уж много иностранцев, Мик. Кто-нибудь из ваших источников должен что-то об этом знать.

Мик взял газету и снова взгляделся в нее, держа под таким углом, чтобы на нее падал тусклый свет.

– Зачем Билл Шнайдер дал тебе это?

Маргарет пожала плечами:

– Ума не приложу.

– Это кто-то из твоих знакомых, да?

– Не-а, – покачала головой Маргарет. – Понятия не имею, кто это. – Она сама не знала, почему соврала.

Мик улыбнулся и поднес бутылку ко рту.

– Хм-м.

– Честное слово, – сказала Маргарет, стараясь, чтобы голос звучал бодро (она всегда убеждала себя, что у нее отлично получается говорить бодро, а беспечно – и того лучше). Она взяла листок и аккуратно сложила его по сгибам. – Я просто подумала, что этот бедолага сидит там, всеми забытый, посольство его страны, скорее всего, даже ни о чем не знает, а его вот-вот бросят в тюрьму или, что еще хуже, в братскую могилу вместе с коммунистами. Наверное, Шнайдер просто решил, что с теми связями, которые у меня есть – ну то есть были, – я могла бы что-то сделать. Но я не могу. Времена уже не те.

Мик не ответил; на мгновение повисла тишина, и только отрывистое постукивание пишущей машинки Руди нарушало безмолвие этого душного дня. Маргарет посмотрела на листок,

лежавший у нее на коленях. Шрифт расплывался, бумага замаслилась и почти расплзлась от прикосновений ее влажных пальцев. Она хотела взять пиво, но это простое действие – протянуть руку за бутылкой – вдруг показалось невероятно трудным. Голова снова начала болеть, давящая тяжесть сменилась волнами покалывания в висках.

– Я хочу сказать, – наконец произнесла она вполголоса, – что просто больше во все это не лезу.

Мик улыбнулся:

– Твое пиво нагревается.

– Пожалуйста, Мик, ты можешь помочь? Мне нужно найти этого человека. Я обязана что-то сделать.

– Узнаю вечную благодетельницу Маргарет. – Он нахмурился и взъерошил обеими ладонями темные волнистые волосы, потер голову, будто та зачесалась. – Не знаю. Ребятам все труднее собирать сведения. Даже у наших местных информаторов возникают проблемы с армией. Повсюду солдаты – ищут, к кому бы прицепиться. А хуже всего то, что у нас нет возможности подкупить всех. Из Америки денег особо не поступает. Си-би-эс со мной больше не работает, Би-би-си молчит. Сейчас только Эй-эр-ти-си дает хоть какие-то заказы. Я просто не знаю, Маргарет.

– Пожалуйста.

Мик вздохнул.

– Ради нашего прошлого?

– У нас никогда не было прошлого, сердцеедка.

Она встала и изо всех сил попыталась улыбнуться.

– Мы бы поженились и завели двенадцать детей, если бы только... – И беззвучно договорила одними губами: – Ты не предпочитал...

– О, ты ранишь меня в самое сердце. Я в огне, я тень, я труп¹⁷.

– Правда глаза колет. Позвони мне.

Она медленно направилась обратно через соседнее здание. Людей теперь попадалось больше – опрятно одетых сотрудников, которые неторопливо курсировали по вестибюлю со стопками бумаг в руках. Они смотрели на Маргарет сонными, покрасневшими глазами. Кое-кто из женщин был одет в джилльбабы и укутан в платки, которые доходили до талии, пряча стройные фигуры и открывая только бесстрастные напудренные лица. Маргарет осознала, что скрип ее кроссовок – единственный звук, эхом отдающийся в прохладной пустоте. Больше ничьих шагов она не слышала, и даже отдаленный гул кондиционера смолк.

Город был белым и пыльным от жары. Она надела солнечные очки и зашагала по улице. «Леди, леди!» – окликали ее водители и тренькали звонками на своих бечаках, чтобы привлечь ее внимание. Она шла, не замечая их. Ей хотелось пройтись пешком, хотелось расшевелить тело, привести в порядок мысли и не спасовать перед нарастающей головной болью. Она миновала грязно-белый фасад католического собора, чьи шпили потерянно вздымались в небо. Стены рядом со входом покрывал тонкий слой свежей побелки, но под ней все равно читалась просвечивающая красная надпись: «Сокрушим христианских империалистов».

– Леди! – звали из бечаков. – Красавица!

Человека три-четыре ехали следом за Маргарет, не переставая окликать ее. Их крики заглушили все. Шум машин, автобусов и мотороллеров превратился в неясный, отдаленный рев, похожий на рокот моря, когда уже приближаешься к берегу, но воды еще не видно. Надо уйти от них, подумала Маргарет, двинулась через дорогу, спокойно маневрируя в потоке транспорта, и повернула на запад, к пустынной площади Мердека. Она направилась к месту строительства будущего Национального монумента независимости. Массивное основание гигант-

¹⁷ Цитата из «Индийской серенады» П. Б. Шелли в переводе Б. Пастернака.

ской колонны, не спеша поднимавшейся к небу, облепили строительные леса. Вокруг была разбросана монстровидная техника, безмолвная и забытая, как руины исчезнувшей цивилизации. Голая земля на площади обращалась в грязь во время сильных муссонных дождей, но теперь, после нескольких месяцев изнуряющей жары, она стала пылью, и торопливые шаги Маргарет вздымали маленькие красные облачка. Пустыня, подумала Маргарет, непригодная для жизни.

Она чувствовала, как солнце давит на виски. Глупо было выходить на улицу без шляпы, но она, в конце концов, не нежный белый цветочек, никнувший на солнце. Она продолжала шагать по пустынному острову посреди кипучего города, стараясь не обращать внимания на боль. Несколько минут рядом с ней трусил облезлый пес, а потом он свернул куда-то в поисках укрытия. Вдалеке, в скудной тени хилой акации, она заметила двух мальчиков без рубашек, прислонившихся к стволу. Она была не в настроении с ними связываться, но, бегло оглядевшись, поняла, что идти некуда, вокруг простиралась пустота – ни переулков, в которые можно свернуть, ни укрытия, ни малейшего повода пойти в другую сторону. Кроме того, подумала Маргарет, если сейчас сменить курс, они заметят ее, поймут, что она их избегает, и прицепятся к ней. Сомневаться в этом не приходилось – она прожила здесь так долго и так хорошо знала этих людей, что прекрасно понимала, как они себя поведут. Самое лучшее, что можно сделать, – это вести себя так, будто их здесь нет. Может, они устали, может, поленятся приставать к ней. Они всего лишь дети – что они могут сделать? В любом случае надо показать, что она не боится.

– Привет, милашка! – крикнули мальчишки, когда Маргарет проходила мимо.

Она отметила, что они не называли ее «ибу»¹⁸ или как-нибудь по-другому почтительно, как обычно делали молодые люди. Она, впрочем, отнюдь не почувствовала себя польщенной и ускорила шаг. Мальчики мгновенно оказались рядом, обступили ее с двух сторон. На первый взгляд худощавые, даже тощие, но по лицам и жилистому телосложению видно, что они уже не дети. Маргарет быстро определила их возраст: лет четырнадцать-пятнадцать – достаточно взрослые, чтобы представлять опасность.

– Эй, ты голландка? Британка? Американка? Дай денег, американских долларов. – Они говорили с грубым акцентом бима или сасаков, явно уроженцы дальних островов, не джакартские.

Она продолжала упорно смотреть перед собой.

– У меня нет с собой денег. Если бы были, я бы дала вам, но их нет. Так что идите себе и оставьте меня в покое.

Пораженные ее беглой речью на индонезийском, они ненадолго умолкли.

– Один доллар, – сказал первый мальчик, подняв указательный палец. – Всего один доллар.

– Нет.

– Хорошо, дай рупии. У тебя есть рупии.

– Говорю же, у меня нет денег.

Они все еще были далеко от края площади, от бушующего моря транспорта.

Первый мальчик преградил ей дорогу, встал как вкопанный.

– Врешь.

Он стоял очень близко, в упор глядя на нее. Лоб пересекал шрам, пурпурно-белая полоска на фоне переливчато-бронзовой кожи. В нос Маргарет ударил резкий запах пота, и она почти физически ощутила липкий жар, исходящий от его тела. Она посмотрела ему в глаза и порадовалась, что надела солнечные очки.

– Я прошу оставить меня в покое.

¹⁸ Уважительное обращение к старшей по возрасту женщине, в буквальном переводе – «мать».

Его лицо исказила уродливая ухмылка, губы раздвинулись, обнажив на удивление крепкие белые зубы.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

– Ну и что? Дай мне рупии.

– Нет.

Краем глаза она увидела, что к ним бегут еще трое или четверо подростков, таких же беспризорников, без рубашек и босиком. Она вильнула в сторону и зашагала еще быстрее: нужно добраться до края площади.

Ее окружали, но она продолжала идти к шуму машин. Кто-то коснулся ее обнаженного предплечья горячей липкой ладонью. Не беги, сказала она себе, не беги. Ее дернули за рубашку, ущипнули за бок. Она бросилась бежать, вздымая клубы пыли. Тихий прежде гул уличного движения становился все громче, за ее спиной кто-то завопил, пронзительный мальчишеский голос, но она не оборачивалась, пока не добралась до обочины широкой проезжей части, успокаивающей своей оглушительной какофонией. Маргарет тяжело дышала, она не могла припомнить, когда ей в последний раз приходилось бегать. Она бросилась через дорогу, радуясь сердитым гудкам мотороллеров, и только оказавшись на другой стороне, оглянулась на площадь. Та вдруг показалась далекой и совсем не опасной, укрытой сероватой пеленой.

Маргарет поморгала. Солнце прошло зенит и уже сползло к горизонту, его начавшие серебриться лучи расплывались в густой дымке выхлопных газов и пыли. Фигуры мальчиков вдали мерцали от жары, точно отражались в дрожащей поверхности воды. «Маргарет Бейтс, – произнесла она вслух, чтобы услышать свой голос, он звучал хрипло и слегка дрожал, – возьми себя в руки. Немедленно». Ничего ужасного не произошло, сказала она себе. Стоит на секунду потерять бдительность в таком городе, как Джакарта, сразу влипнешь в историю, и ты это прекрасно знаешь, Маргарет Бейтс. Ничего страшного.

Это всего лишь мальчики, просто мальчики.

Преодолев еще несколько сотен метров, она добралась до неухоженной лужайки, напоминавшей кое-как брошенный на землю ковер перед большой красивой виллой. Белая краска выцвела до грязно-серой, колонны, делившие фасад на аккуратные квадраты, были сплошь покрыты граффити, а на карнизах гнездились саланганы. Укрытое кронами дождевых деревьев здание казалось древним и пропитанным влагой, а в прохладной темноте глубоких веранд Маргарет сразу почувствовала себя лучше.

– Добрый день, – поздоровалась женщина за стойкой и быстро встала, как будто узнала Маргарет, как будто ждала ее.

– Я хотела спросить, нельзя ли посмотреть старые номера тех газет, которые у вас есть, – то есть не то чтобы совсем старые, относительно свежие.

– Конечно, – ответила женщина.

На ней была простая бежевая юбка до колен и белая блузка. К блузке была приколата пластиковая брошь в виде улыбающейся рожицы нарисованного шмеля, а в идеально прямых волосах сияла лента того же желтого цвета, что и круглые шмелиные щечки.

– Сюда, пожалуйста.

Маргарет последовала за ней в огромную темную комнату, где пахло камфорой и сырым деревом. В читальном зале не обнаружилось ни души, большинство книжных полок пустовали или были заставлены картонными коробками с неопределенным содержимым. Окон на первом этаже не было, на уровне второго этажа шла узкая галерея, украшенная дешевыми современными картинами с изображением петушиных боев, буйволов и рисовых полей. Арочные окна галереи были все грязные и запятнанные, а кое-где между переплетами отсутствовали фрагменты стекла.

– Для вас все готово, вон там, – сказала женщина, указывая на нишу в дальнем конце зала.

– Но мне нужно кое-что конкретное, – возразила Маргарет.

Женщина улыбнулась широкой белозубой улыбкой, которая пугающе напоминала улыбку шмеля.

– Вы все найдете там.

Ниша оказалась больше, чем думала Маргарет, в ее центре стоял стол, на котором возвышались аккуратные стопки газет: «Хариан ракьят», «Индонезия рая», «Синар харапан». Газеты словно специально разложили в надежде, что Маргарет придет их изучать. Она остановилась на «Хариан ракьят» середины пятидесятих годов. Десять лет не такой уж большой срок, и все же шрифт и сам стиль написанного казались ей архаичными – слишком наивными и свободными. Тонкие страницы пожелтели и пошли бурными пятнами от влажности, а немногочисленные фотографии размылись, напоминая картины импрессионистов. Маргарет щурилась в тусклом свете – возможно, пора заказать очки. Каждый раз, натываясь на статью о репатриации граждан Голландии, она останавливалась, ища глазами имена или лица. Она понятия не имела, какие имена или лица ей нужны, но знала, что рано или поздно наткнется на какую-нибудь подсказку.

– Пожалуйста, мадам. – Маргарет подняла глаза и увидела улыбающегося шмеля. Женщина поставила на стол рядом с ней стакан почти неонового сиропа со льдом и снова ушла.

Маргарет заколебалась, но ей вдруг очень захотелось пить. Она попробовала с опаской, но, обнаружив, что сироп не такой уж и сладкий, осушила стакан в несколько глотков. Поймала губами кусочек льда и принялась его посасывать, продолжая просматривать газеты и чувствуя, как приятно немеет язык. Она быстро листала стопку за стопкой, время от времени останавливаясь.

Репатриация продолжается

Джакарта, 6 декабря 1950 г. – Репатриация голландцев идет в полном объеме. По оценкам источников, число покидающих Индонезию граждан Нидерландов растет. Сегодня из аэропорта имени Халима Перданы Кусумы вылетел спецрейс «Королевской авиационной компании» с последними семьями, отправляющимися в Нидерланды. Большинство из них счастливы покинуть Индонезию, так же как счастливы расстаться с ними и мы. Фото: Мать и ребенок ждут посадки в самолет. Какой милый плюшевый мишка, правда же? Не плачь, мишка!

Бунт в Амбоне

Амбон, 16 января 1951 г. – После расформирования колониальной армии в июле прошлого года небольшое число бывших солдат отказались вступить в новые Вооруженные силы Индонезии. Сообщается, что от участия в построении президентом Сукарно великой Республики Индонезия отказались не более сорока предателей, и уже приняты меры для их возвращения в Нидерланды. «Мне придется оставить свою семью, и я буду очень скучать по ним в Нидерландах, но в Индонезии у меня нет будущего», – говорит один из этих предателей, которого мы будем называть просто Томи. Томи и его друзьям мы говорим: скатертью дорога!

Смерть на плантациях

Специальный репортаж Аффанди Суприанто

Нуса-пердо, 2 декабря 1953 г. – В этом малоизвестном уголке Индонезии идет война за избавление от последних остатков голландского колониализма. На плантации кайюпутовых деревьев площадью 200 гектаров... битва, символизирующая тяготы жизни простых индонезийцев... новая форма

рабовладения и угнетения... После смерти своей четырехлетней дочери Санти работник плантации Адрус Утина... владелец концессии Йос ван Эрде... расходы на похороны... мольбы, оставшиеся без ответа... недоразумение... последующее увольнение... другие работники запротестовали... все были уволены... поджог складов... случайное ранение... ультиматум... на следующее утро семья ван Эрде сбежала... плантация перешла под контроль рабочего кооператива... революция начинается даже на отдаленных островах...

Моя замечательная жизнь: *известный художник Йос Смит рассказывает о душевных терзаниях и о счастье*

бали, 19 января 1957 г. – После успешных выставок на Суматре и в любимом Бандунге его слава взлетела до заоблачных высот. Говорят, что в числе коллекционеров его работ сам президент, но карьера известного художника Йоса Смита никогда бы не состоялась, если бы он не приехал в Индонезию. Сейчас, поселившись на Бали, он убежден, что нашел свою духовную родину. «Наверное, для меня Индонезия то же самое, чем Таити был для Гогена, – прекрасные цвета и свет, не похожие на бесконечную серость Голландии... традиции живописи... многие известные уроженцы Запада, Шпис и Бонне¹⁹, которых знают все, но также и второстепенные фигуры – например, Карл де Виллиген». Что касается его национальности, он не сомневается в своем выборе, хотя иногда ему бывает грустно без друзей. «Я получил индонезийский паспорт сразу же, как только смог, в 1950 году. Все остальные голландцы в Индонезии должны были сделать то же, но у них не хватило смелости. Я не колебался. Почти десять лет я говорю исключительно на индонезийском. Я даже голландский уже забыл! Единственное, что меня расстраивает, – временами я разговариваю с людьми и вижу по их глазам, что они считают меня голландцем, а не индонезийцем». Когда его спросили о прежних голландских знакомых, которые, возможно, еще живут в Индонезии, таких как де Виллиген, он сказал: «Я не общался с ними много лет. Скорее всего, они вернулись в Голландию или умерли».

Мирный план Соединенных Штатов – пакет помощи индонезийской армии

Джакарта, 6 сентября 1958 г. – Фото: Президент Сукарно на приеме в посольстве США в Джакарте (слева направо: президент, посол Говард П. Джонс, генерал Насутион).

Маргарет взглядела в размытое изображение. На заднем плане стояли несколько человек, в том числе безошибочно узнаваемый Билл Шнайдер – редкие волосы аккуратно расчесаны, глаза настороженные. За годы он ничуть не изменился, жизнь в тропиках ему явно подходила.

Она потеряла глаза. Было уже поздно, в зале быстро сгущались голубые сумерки. Она кое-как сложила газеты и отправилась на поиски библиотекаря. За стойкой никого не было. Ни бумаг, ни книг. «Есть кто-нибудь?» – крикнула Маргарет, но никто не ответил. В подступающей темноте мало-помалу просыпались живущие под крышей саланганы, которые выпархи-

¹⁹ Йохан Рудольф Бонне (1895–1978) – голландский художник, который большую часть своей жизни провел на Бали. Вальтер Шпис (1895–1941) – русский художник-эмигрант, учившийся в Германии, реформатор балийского искусства. В 1936 г. Бонне и Шпис основали в Убуне ассоциацию художников «Пита маха», знакомили местных живописцев с западными традициями, оказывали им материальную помощь и способствовали пропаганде местного искусства за рубежом.

вали из своих гнезд на охоту за насекомыми. Маргарет вышла из библиотеки и направилась домой. Путь предстоял долгий, но голова больше не болела, и она чувствовала себя готовой встретиться с городом лицом к лицу.

Она шла по узким улочкам Глодока, в воздухе стояли запахи благовоний, еды и засорившихся канав – мощное, даже головокружительное сочетание. Иностранцев предупреждали, что по ночам лучше сюда не ходить, но Маргарет всегда считала, что район этот довольно приятный, особенно вечерами. Непрерывный шум, сопровождающий деятельность местных жителей, – звон сковородок и тарелок, глухое буханье мешков, которые выгружали из грузовиков, неразборчивое позвякивание металлических деталей – успокаивал ее, потому что в полутьме легко было представить, что здесь, в этом людском муравейнике, город не изменился за двести лет. Плутая в лабиринте тупиков и безымянных улочек, она не видела ни многоэтажек, ни бетонных памятников, ни стеклянных статуй; под покровом ночи обветшание зданий становилось не так заметно, и город казался мягче, человечнее.

Дальше к северу, на старой площади, было тихо и пустынно, колоннады огромных зданий погрузились в глубокий мрак. Солдаты, которых Маргарет видела раньше, исчезли, их сменили люди, пытавшиеся найти место для ночлега. Внезапно ей захотелось домой, и она обрадовалась, что идти осталось недолго. Она мечтала о холодном душе, о современном американском душе с мощными струями воды, которые смывают пыль и грязь с волос и с лица, от которых кожу будет приятно покалывать, но знала, что ей придется стоять под вялыми ручейками самодельной конструкции из шланга и лейки. Вода в тонкой трубе будет тепловатой, прогретой солнцем, но все равно это будет приятно. А потом Маргарет выпьет виски, неразбавленного виски, ляжет спать и забудет о сегодняшнем дне, обо всем на свете.

Она торопливым шагом преодолела последний отрезок пути и добралась до низенькой металлической калитки перед домом. Услышала, как звонит вдалеке телефон в ее доме, и бегом пересекла двор, нащупывая в темноте ключи. Только оказавшись почти у самой двери, она вдруг поняла, что не одна: на ступеньках кто-то лежал. Это был мальчик-подросток, скорчившийся почти в позе эмбриона. Маргарет сделала еще шаг и увидела, что он спит. Потрясенный настойчивой телефонной трелью, мальчик зашевелился, неловко заерзал; на его белой футболке крупными буквами было написано «БЕРКЛИ». Сомкнутые веки трепетали, будто ему что-то снилось.

6

Однажды, вскоре после того как ему исполнилось тринадцать, Адам сбежал из дома. Тем утром, проснувшись, он решил, что отправится искать мать.

В последние несколько недель он был сам не свой. Его выводила из себя любая мелочь: мяуканье толстого белого кота за окном, скрип кровати, раздававшийся каждый раз, когда Адам поворачивался на слишком тонком матрасе, дверца шкафа, никогда не закрывавшаяся до конца, – все, чего он прежде не замечал. Раздражал его и Карл – своей прихрамывающей, косолапой походкой, розоватой бледностью кожи, которая особенно бросалась в глаза на фоне тусклого зеленого пейзажа, а больше всего тем, что иногда он бормотал себе под нос непонятные слова на непонятном языке и даже этого не осознавал. «Я что, опять сам с собой разговаривал? – спрашивал Карл, откашливаясь и пытаясь рассмеяться всякий раз, когда замечал, что Адам недовольно смотрит на него. – Это просто дурацкое стихотворение, я его с давних времен помню». Но его слова не имели никакого значения, потому что Адам хоть и пытался не обращать внимания, но, как только раздавался этот отвратительный полусшепот, ощущал в голове что-то неприятное, словно легкое покалывание, которое быстро превращалось в горячую, почти обжигающую волну и распирало череп изнутри, особенно сильно давя на глазницы. Он больше не мог читать, не мог сосредоточиться ни на чем, и давление в голове становилось настолько нестерпимым, что приходилось прятаться к себе в комнату. Но и там, лежа на кровати и закрыв лицо подушкой, он все равно слышал голос Карла.

Музыка Карла, будто соучастница преступления, вскоре тоже начала раздражать Адама. Неважно даже, что это была за музыка: стоило Карлу подойти к проигрывателю, как спина Адама деревенела. Скрипки, которые до этого приводили его в восторг, теперь звучали резко и визгливо; оперные голоса, когда-то веселившие, вдруг стали нелепыми. Адам стал часто уходить из дома. Карабкаясь по камням у моря, он пробирался как можно дальше вдоль берега, пока шум волн не заглушал даже самые тихие жалобы умирающих оперных героинь. По стальной синеве моря обычно плыла пара-тройка каноэ с балансиром, чьи паруса легонько трепетали на ветру; забрасывая в воду небольшие сети, рыбаки вытаскивали скудный улов макрели, тунца и анчоусов. Адам сидел и смотрел, пока в голове снова не становилось ясно и спокойно, пока злость не улетучивалась.

– Да что с тобой? Почему ты так злишься? – крикнул ему вслед Карл, когда он в первый раз вышел из комнаты посреди арии и побежал к морю.

Злость – вот что это было, вот что переполняло его голову. Вплоть до этого момента, с самого начала своей Новой жизни с Карлом, Адам по-настоящему не знал, каково это – злиться. Он гадал, значит ли это, что он внутренне меняется, и если да, то как. Он лежал в кровати без сна, думал: «Почему я злюсь?» – и, не находя ответа, злился еще больше.

В школе Адам внезапно осознал свое сиротство. Раньше он никогда об этом не задумывался, потому что такая утрата была знакома многим в его классе. Время от времени кто-нибудь бросал учебу, чтобы работать на рисовых полях или помогать с рыболовными сетями,

и Адам узнавал, что этот одноклассник осиротел: или отец утонул в море, или мать умерла родами. Потерять хотя бы одного из родителей на Нуса-Пердо было делом обычным. Но однажды у них появился новый учитель, молодой сасак, который учился в Университете Индонезии. Он объяснил им разницу между теми, кто лишился одного из родителей, и теми, кто лишился обоих. «Существует слово, которое показывает это различие, – *пьяту*. В индонезийском важно точно выражать свои мысли, – сказал учитель. – С нашим языком следует обращаться вдумчиво и гордиться им». Это открытие сильно встревожило Адама. Так однажды он сирота или дважды? *Настоящий* ли он сирота, который больше достоин сострадания, чем другие? Дома он достал словарь Карла, который хранился на самой высокой и самой пыльной полке, словно забытая, неприкосновенная реликвия. Может, по-голландски он сирота в меньшей степени? Может, на всех языках, кроме своего родного, он обычный, ничем не примечательный сирота? Он помнил, как будет «сирота», и быстро отыскал нужную статью, но в определении было слишком много непонятных слов, и это расстроило его еще больше.

Однажды вечером, перед самым ужином, Карл включил музыку – тягучие, однообразные звуки керончонга²⁰. Они принялись за еду: пережаренная баранина в соусе карри с рисом.

– Не хочешь есть, сынок?

Адам не ответил, даже не потрудился покачать головой. Ложкой он лепил на своей тарелке рисовые холмы, а потом разминал их в мелкой лужице соуса, снова лепил и снова рушил. Край тарелки украшал поблекший узор из фиолетовых цветов, а их стебли исчезали в созданном Адамом коричневом болоте.

– Адам, – сказал Карл, – прошу тебя, перестань баловаться с едой. Многие люди на этом острове едят раз в три дня, да и то могут позволить себе один рис с тапиокой.

Адам поковырялся в карри. Подцепил кусочек мяса и попытался разрезать его ложкой, но баранина была жесткой, жилистой.

– Возьми нож, Адам, не развози еду в тарелке.

Адам сходил на кухню и вернулся с тупым ножом для масла. Он начал вяло пилить баранину, как будто сдался заранее.

– Так нож не держат, – заметил Карл. – Пожалуйста, зажми его между большим и указательным пальцами, это не карандаш.

Адам смотрел прямо перед собой, избегая взгляда Карла и уставившись на пианино. Потом швырнул нож на стол, попав по краю тарелки и выплеснув на клеенку жирную кляксу карри. Он чувствовал, что глаза наполняются горячими слезами, а голову покалывает от того жгучего ощущения, которое, как он теперь знал, называлось злостью, но на этот раз злость просочилась дальше, переполняя грудь и живот.

– Адам, ты не встанешь из-за стола, – сказал Карл по-прежнему спокойным тоном. – Ты останешься здесь и доешь до конца, потому что не всем повезло иметь то же, что имеешь ты. Если что-то не нравится, скажи, но не смей оставлять еду на столе.

Адам уже стоял, отодвинув стул и вцепившись руками в край стола. На некоторое время он застыл, не двигаясь ни туда ни сюда и не делая попыток вытереть слезы, которые ручьями текли по его щекам.

– Я хочу знать, – выдавил он наконец. – Я хочу знать о своей семье.

Карл вздохнул. Аккуратно положил вилку на край тарелки и подался вперед, опершись локтями о стол. Поднял ладони и пристально посмотрел на них, словно пытался прочесть тайны собственной жизни. Потом спрятал лицо в руках и снова вздохнул.

– Я нашел тебя в приюте, вот и все. Ты знаешь эту историю. Мне больше нечего тебе рассказать.

Адам отвел взгляд.

²⁰ Название музыкального жанра, в котором обычно используется одноименный инструмент, аналог укулеле.

– У каждого есть история, ты сам мне говорил. Я хочу знать о своей жизни – своей *настоящей* жизни.

– Но это, – возразил Карл, слабо разводя руками, – это и есть твоя жизнь. Разве ее недостаточно?

Вечер выдался безветренный. Розовые кружевные занавески на всегда открытых окнах были неподвижны. Адам уставился на узор из хризантем и пальмовых листьев. В комнате внезапно стало душно и абсолютно тихо.

– Твоя мать была не из этих мест, – начал Карл размеренно и монотонно, как будто репетировал тысячу раз. – Некоторые утверждали, что за день до того, как тебя нашли, в деревне видели светлокую женщину. Цветом кожи она напоминала суматранку или малайку и говорила по-другому, с акцентом жительницы большого города, – кто-то решил, что она из Джакарты, но точно это неизвестно, потому что люди не могли толком разобрать, что она говорит. У нее спросили, откуда она родом, и она ответила: «Издалека». Ей нужно было найти сиротский приют. На руках она держала младенца, но он молчал и совсем не шевелился, словно мертвый. С ней был и второй ребенок, постарше, мальчик с пустыми, немигающими глазами. Жители деревни видели, как эта женщина пошла в сторону холмов вдоль рисовых полей, которые в тот год зеленели особенно ярко. На другой день она исчезла, а в приюте осталось двое детей. Это все, что я знаю.

К своему удивлению, Адам вдруг обнаружил, что волнение схлынуло и в голове у него прояснилось. Дыхание замедлилось и стало едва слышным. Он недоумевал, почему так сдержанно воспринял рассказ Карла, – видимо, новость оказалась не откровением, а лишь подтверждением того, что он и без того знал. Адама смущало, что она успокоила его, а не взволновала.

– Значит, она вернулась в Джакарту, – пробормотал он наконец.

– Понятия не имею. С тем же успехом она могла быть из Сурабаи, Медана или даже Сингапура. Вот все, что мне рассказали, когда я пришел в приют. Больше они ничего не упоминали – ни отца, ничего. – Карл положил ладонь на плечо Адама, и тот ощутил ее прикосновение, холодное, липкое и тяжелое. – Сынок, пожалуйста, поверь, это все, что я знаю.

– А как же, – нерешительно сказал Адам, – как же мой брат?

– Его увезли далеко – вроде бы в Куала-Лумпур. Те, кто его усыновил, не захотели говорить, куда они его забирают.

Адам посмотрел на нахмуренный лоб Карла, в его усталые, покрасневшие глаза. Он отступил назад и почувствовал, как ладонь безвольно соскользнула с его плеча. Карл сидел за столом, бессмысленно глядя на остатки их ужина, которые лежали на выщербленных фарфоровых тарелках в ярком свете единственной лампочки, низко висевшей над столом. Как будто оба они знали, что наутро Адам сбежит и Карл ничего не сможет сделать, чтобы остановить его.

Мысль о Джакарте, да и о любом другом большом городе, не пугала Адама. Вот уже несколько недель он возводил собственный город, воссоздавал его в своем воображении, пока занимался повседневными делами. Подметая двор, он представлял обширную плоскую равнину, окруженную далекими холмами; кормя кур, рисовал аквамаминоное небо, испещренное густыми тучами. После ужина он спешил забраться в кровать, мечтая об этом волшебном, насыщенном часе, когда сможет вернуться в самое ядро своего Иерусалима: в уютное современное бунгало с белеными кирпичными стенами, красной черепичной крышей и садом с цветами в горшках. Это был дом его матери. У нее было несколько кошек – гладкошерстных, серо-голубых, – которых она время от времени брала на руки приласкать. Был и ребенок – его брат Джохан, но вообразить его не получалось, он сопротивлялся попыткам Адама наделить его хоть какой-то внешностью и оставался в тени. Так что Адам сосредоточился на улицах вокруг материнского дома. Они были чистыми и скромными, по ним ездили мотороллеры, бечаки и велосипеды, а вдоль них выстроились дома, похожие на дом его матери, простые и безыскусные, и жили в них достойные люди, но стоило выйти за пределы этой непорочной сердцевины,

как город становился все темнее, заволакивался туманом невидимой опасности. Широкие проспекты, уходящие вдаль и растворяющиеся в пустоте; огромные серебристые здания, где было полным-полно людей, которые занимались чем-то непонятным Адаму; районы, залитые светом ярких разноцветных огней, и трущобы, где света не было вообще. Иногда на улицах было множество беспризорников и миллионеров, иногда на них не было никого.

Адам создал этот город силой своего воображения, и теперь его фантазия казалась более осязаемой, чем то настоящее пустынное место, где он жил. Он знал, что должен его покинуть. Он знал, что должен найти далекий город.

Паром оказался не таким большим, как он ожидал, но на пристани столпилось множество людей. Путешествие на автобусе – ехать пришлось через весь остров – прошло неплохо; карман Адама был битком набит долларами, которые давили ему на бедро. Утром, когда он выходил из дома, у него так кружилась голова от волнения, что его чуть не стошнило. Это было одно из тех редких прохладных утр, когда солнце пряталось за тонкой вуалью облаков, а в воздухе вместо пыли ощущался намек на дождь. Но пока Адам в одиночестве стоял на берегу, солнце поднялось высоко, и он устал ждать на жаре. Паром, стоявший сразу за причалом, казался слишком хлипким, чтобы выдержать переправу на Яву. Видимо, когда-то он был выкрашен в яркие зеленые и желтые цвета, но сейчас на потемневшей склизкой древесине лишь местами остались чешуйки облупившейся краски. Единственная палуба была уже заполнена людьми, но толпа все равно настойчиво продвигалась вперед, образуя затор у трапа. Не было ни криков, ни суеты, только гнетущий гул голосов: люди пытались пробиться на корабль. Адам ничего не понимал. Стоявшие на палубе мужчины свешивались за борт и подхватывали детей, чьих матери умоляюще протягивали им с берега, а время от времени из толпы на паром перебрасывали сумки – от невидимого хозяина к неизвестному получателю.

Адам заметил, что рядом с ним стоит какой-то парень в чистой футболке с ярко-оранжевым глобусом. Он был старше Адама и не походил на других ребят, слонявшихся по пристани.

– Пошевеливайся, а то прозеваешь свой шанс попасть на паром, – сказал он.

Адам прищурился, заслоняя глаза от солнца.

– Все бегут из-за засухи. Думают, что в больших городах, где много иностранцев, будет лучше. Ничего подобного. Я сам оттуда, уж кому знать, как не мне.

Он рассмеялся, будто шутил, и Адам не мог понять, серьезно ли он.

– Вся эта страна – говна кусок! – крикнул парень в сторону парома и захихикал. – Никуда вы отсюда не денетесь!

Адам развернулся и двинулся прочь.

– Эй, что, не хочешь на борт?

– Нет, спасибо, – ответил Адам. – Я вернусь завтра.

Он понятия не имел, как пробьется на корабль, где будет спать, есть и прятаться от толпы: до завтрашнего дня оставалась еще целая вечность.

– Завтра будет то же самое, приятель, – сказал парень, догоняя Адама, – и послезавтра, и послепослезавтра. Но я могу провести тебя на паром.

Адам остановился и посмотрел на него. Парень выглядел обыкновенным, совсем как сам Адам.

– Как?

– Я знаю кое-кого. Кое-кого, кто может тебе помочь.

– Правда?

– А то. Нужно всего лишь немного денег. Деньги у тебя есть? Нам много не нужно – на пачку сигарет и еще кое-что для меня. Все по-честному, просекаешь? Мне только на кофе, не больше.

Адам сперва поколебался, но поймал себя на том, что кивает.

– Да не бойся, ты мне нравишься. Ты мой новый друг! Сейчас мне ничего не давай. Как сядешь на корабль, мой человек тебя найдет. Я его предупрежу, что ты от меня, а ты просто дашь ему денег на кретек. Хорошо? С ума сойти, какой же ты беспомощный. Ладно, не переживай, не давай ему ничего. Задаром все сделаем. Сегодня твой счастливый день – мы тебе просто так поможем. Но если когда-нибудь доберешься до Джакарты и станешь большим человеком, вспомни меня. Санни, – он ткнул в логотип на своей футболке, – это я, неповторимый и незабываемый, яркий, как солнце.

– Спасибо. Но как мне туда попасть?

– Вот, – сказал Санни, обнимая Адама за плечи и ведя его обратно к людям на причале. Теперь он говорил полупшепотом и очень серьезно. – Теперь самое сложное. Стой со мной в толпе и делай вид, что мы просто идем вперед. Ага, вот так. Не спеши так и не дергайся. Я отойду на пару секунд, ты только не паникуй, я вернусь – вот и все, а ты иди помедленнее, не слишком быстро. Подожди, пока я вернусь. Не кричи и не привлекай к себе внимания, просто жди тут. Удачи.

Адам почувствовал, как к нему притираются разгоряченные тела, от едкого запаха пота стало дурно. Толпа никуда не продвигалась, а Санни исчез. Впереди стояла маленькая девочка, державшая в руке раскрашенную клетку с певчей птичкой. Она уставилась на Адама ясными глазами.

– Они убрали трап, – сообщил кто-то.

– Черт, третий день не попадаю на этот паром.

– У тебя денег на взятку хватит? У меня нет.

– Ладно, идем. Сегодня уже все.

Когда толпа рассеялась, Адам остался на пристани с кормящими матерями, безучастными младенцами, стариками и женщинами, которые не осмеливались отходить слишком далеко от причала. Завтра будет еще один, сказали они, наблюдая за тем, как паром отчаливает и за ним в сине-стальной воде тянется ровный треугольный след. Он двигался так медленно, что Адам, наверное, мог бы догнать его вплавь. Он до последнего не сдавался и ждал Санни.

От жажды першило в горле, и Адам не мог глотать. Он пошел обратно в деревню, за рощи кокосовых пальм, где несколько семейств уже начали сооружать хижины из кусков брезента и выброшенной на берег древесины. Он купит в деревне еды, думал Адам, и найдет ночлег. Кто-нибудь пустит его переночевать. Ему не откажут, потому что у него есть деньги, американские доллары.

Он остановился у магазина, где продавались напитки. Какие-то мужчины играли в карты и пили кофе, и Адам вдруг почувствовал, что очень проголодался. Он хотел булочку, одну из тех липких сладких улиток, которые Карл покупал ему всякий раз, когда они ездили в город. На прилавке в противоположном конце магазина стояла коричневая коробка, и сквозь ее картонные стенки кляксами просачивался жир: воображаемые страны на фантастической карте мира.

– Не смей трогать, воришка! – крикнул кто-то.

Адам обернулся и увидел пухлую женщину с родинкой в уголке рта, из-за которой казалось, будто она презрительно улыбается.

– Но у меня есть деньги... – Адам вдруг осознал, что его голос звучит так, будто он врет. Он сунул руку в карман: пусто. В другой карман: пусто.

– Вы, детишки, совсем распоясались, – сказала женщина, улыбаясь своей перекошенной улыбкой, хотя это была и не улыбка вовсе. – Как собаки паршивые. Брысь отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.